

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

КИРИЛЛ АЛЕКСЕЕВ

ПОЖИРАТЕЛЬ МУХ

ВСЕ ЧТО КОГДА-ТО БЫЛО
САМО ДОЛЖНО БЫТЬ СМЕРЬЮ

«КРЫЛОВ»

Кирилл Алексеев

Пожиратель мух

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161044

Алексеев К. *Пожиратель мух.*: Издательство «Крылов»; СПб.; 2007

ISBN 5-9717-0471-0

Аннотация

Подлинный ужас возвращается всегда. Жителям глухой деревушки предстоит убедиться в этом на собственной шкуре.

Зло, уничтоженное сорок лет назад, снова бродит по окрестным лесам. Люди для него – всего лишь мухи, трепыхающиеся в липкой паутине ночного кошмара.

Оно знает: все, что когда-то ело, само должно быть съедено.

И неизвестно, кто будет следующим, к кому нежить заглянет на огонек, напевая детскую песенку.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	50
Глава 3	106
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Кирилл Алексеев

Пожиратель мух

Глава 1

Виктор увидел, как в свете фар темно-серая лента дороги вдруг исчезла, словно кто-то отхватил ее огромными ножницами. Он сбросил скорость до минимума и пополз по скользкой жиже, готовый в любой момент вдавить педаль тормоза в пол. В поворот он вписался очень аккуратно.

О том, что произошло дальше, он потом думал часто. Только что он видел пустую дорогу, как вдруг сзади взвизгнула Катя, оборвав на полуслове рассказ о приснившемся накануне кошмаре. Сидевший рядом Андрей вжался в спинку сиденья и вскинул пухлые ладони, будто собрался сдать в плен тому, что увидел. Катин визг включил у Виктора выбившееся было на долю секунды сознание, и он заметил посреди дороги человека. Тот словно вырос из-под земли.

Виктор нажал на тормоз, хотя понимал, что на проселке, превращенном затяжными октябрьскими дождями в глинистую жижу, это бесполезно. Даже на двадцати километрах в час. «Девятка» закрипела тормозами, но почти не замедлила бег. Виктор инстинктивно крутанул руль влево и тут же почувствовал сильный удар. Человек, взмахнув руками,

будто собравшись взлететь, перекатился через капот и с ясно различимым чваканием упал справа от машины. Из-за резкого торможения «девятка» пошла юзом по скользкой грязи, и Виктор завертел рулем, пытаясь удержать машину на дороге. Наконец, она замерла у самой обочины, встав поперек узкоколейки.

«Господи, – подумал Виктор, облизнув сухие губы, – я ведь его сбил. Твою-то мать, я только что сбил человека».

Как сквозь сон до него доносились взволнованные голоса Кати и Андрея. Сердце трепыхалось в каком-то рваном ритме, то замирая, то пускаясь в карьер. Он с трудом оторвал руку от руля и помассировал левую сторону груди.

– Эй! – Андрей потряс его за плечо. – Что с тобой? Ты в порядке?

Виктор кивнул, хотя чувствовал, что так же далек от порядка, как клиент отделения интенсивной терапии... Или как тот парень, которого он только что отправил бампером в глубокий нокаут.

«Как же так? Черт, ну надо же, а... Сбил человека. Только что взял и сбил. Вот ведь, дерьмо-то, господи! Все из-за гребаной головы. Надо было посадить за руль Андрея».

Часа два назад, едва они свернули с шоссе на проселок, в машине запахло апельсинами. Слабый, едва уловимый запах, скорее даже, намек на него. Запах, который Виктор не переносил. За последний год аромат цитрусовых превратился в нечто вроде предупредительной таблички, которую го-

ловная боль показывала, прежде чем наброситься, раззявив зубастую пасть. «Привет, парень, это снова я. Иду жрать твой мозг». За запахом следовал легкий укол в левом виске, а через несколько минут какой-то шутник начинал медленно вкручивать острые шурупы в виски и темя.

Виктор сразу же проглотил пару таблеток анальгина, хотя знал, что это бесполезно. Съешь хоть всю упаковку, тварь уйдет только тогда, когда утолит голод. Поначалу ей для этого требовалось минут двадцать. Но в последнее время дела пошли хуже. Приступы теперь растягивались на час-два: аппетит приходит во время еды.

Все твердили ему, что нужно лечь на обследование. Виктор и сам это понимал, причем куда лучше других. Но иногда бывает так, что вероятность аневризмы или опухоли не воспринимается, как катастрофа. Порой это всего лишь название остановки, на которой ты сойдешь через год-другой.

Аутоагрессия. Агрессия, направленная на самого себя. Он не раз произносил эти слова в диктофон после беседы с очередным клиентом. С каким-нибудь парнем, который выкуривает по две пачки в день, желая побыстрее доехать до остановки под названием «рак легких», или с девицей, запястья которой покрывает паутина тонких белых шрамов. Вскрыть вены и отказываться идти к врачу, когда в голове сидит какая-то дрянь, вознамерившаяся свести тебя в могилу – по сути одно и то же. Разная форма, а содержание одинаковое – мне просто надоело бултыхаться в этом дерьме.

Андрей, маленький толстячок с по-детски доверчивым лицом, заросшим трехдневной щетиной, которая придавала ему вид громилы-недотепы, снял затертую зенитовскую бейсболку, вытер ладонью вспотевший лоб с высокими залысинами и нахлобучил кепку козырьком назад. Открыл дверь и высунулся из машины, пытаясь разглядеть сбитого человека. Но в сгущавшихся сумерках, да еще за пеленой противного морозящего дождя, дорога уже в десяти метрах тонула в серой хмари. Андрей захлопнул дверь и посмотрел на друга:

– Вить, надо, наверное, глянуть. Как он выскочил-то? Ты что-нибудь заметил?

Виктор покачал головой, которая налилась горячей пульсирующей кровью и была готова лопнуть от боли, как перезревший арбуз.

– Вот блин... Я тоже не видел. Как чертик из табакерки... Ну ладно, сдай чуток назад. Только аккуратно. Не хватало еще раз по нему прокатиться. Сможешь осторожненько?

Виктор глянул в зеркало, включил заднюю передачу и медленно тронулся назад. Он уже взял себя в руки. Когда у тебя в голове психованный гном, вооружившись отбойным молотком, пытается продолбить череп, чтобы выбраться наружу, эмоции притупляются сами собой. По-настоящему волнует одно – когда же, наконец, утихнет боль. Хотя в глубине души Виктор был уверен, что ему не раз приснится, как человек взмахивает руками и с тяжелым стуком перелезает через капот. Будто какая-то гигантская сюрреалистиче-

ская птица.

Через несколько секунд Виктор увидел незнакомца. Тот стоял на одном колене, придерживаясь рукой за землю.

Виктор с облегчением вздохнул. Ему даже показалось, что голове стало немного легче.

– Вон он. Слава богу, вроде цел.

Андрей развернул бейсболку козырьком вперед, проверил ребром ладони, ровно ли она сидит, словно это была не кепка, а капитанская фуражка, и подмигнул Виктору:

– Ну что, командир, можешь звездочку на борту рисовать.

Виктор криво усмехнулся.

– Андрюша, перестань! Тебе бы все шуточки шутить, – Катя, стройная брюнетка с короткой мальчишеской стрижкой и строгим, но миловидным личиком, хлопнула мужа по плечу. – Что тут веселого? Теперь, наверное, в больницу придется его везти. А я, между прочим, устала.

– Устала? Тю... Хочешь Витек тебя загипнотизирует? Внушит, что ты бодра и весела... Он может. Он с Сергеем такие шутки шутил, что любо-дорого.

– Витя, это правда? Ты гипнотизировать умеешь?

Виктор кивнул, внимательно глядя в зеркало. К гипнозу он серьезно не относился, считая это ребяческой забавой, и никогда не применял его в работе. Но иногда они дурачились с Сергеем. Тому было интересно попробовать себя в роли подопытного кролика. Типа, писатель все должен испытать на себе, бла-бла-бла. Сергей, как это говорится, был очень

внушаем. Подарок для любого гипнотизера. Никаких проблем, несколько слов, и он уже в полной отключке, рассказывает о том, как описался в детском саду прямо за столом во время обеда, или цитирует слово в слово какой-нибудь рассказ Хемингуэя. Глупости, конечно, но иногда бывало забавно.

– Умеет, умеет... Приедем, он тебя усыпит и заставить рассказать, сколько раз ты мне изменяла, – Андрей хохотнул. – Хотя... Нет, незачем такие штуки афишировать, да, милая моя?

Виктор затормозил в двух шагах от незнакомца, которому удалось-таки подняться на ноги. Теперь он стоял, слегка пошатываясь. То, что Виктор поначалу принял за балахон, оказалось светло-серым дождевиком. Изрядно замызганным. Дождевик был похож на обычную армейскую плащ-накидку, только с рукавами, и висел на высоченном, под два метра, но худом незнакомце, как на вешалке. Островерхий, низко опущенный капюшон полностью скрывал лицо мужчины.

В машине вдруг стало совсем тихо. Все, казалось, перестали даже дышать. Было слышно, как работает на холостых оборотах двигатель, как мелкие капли дождя стучат по крыше и с мягким «так-так» бегают по стеклу «дворники».

Мужчина стоял, сунув руки в карманы и, как показалось Виктору, исподлобья смотрел на машину, хотя в таком капюшоне он вряд ли разглядел бы и носки собственных сапог.

Но Виктор не мог избавиться от ощущения, что незнакомец буквально сверлит его взглядом.

Нужно было выйти из машины, подойти, поинтересоваться, как он себя чувствует, предложить отвезти в больницу... Да просто извиниться, наконец, хотя в подобной ситуации «извините» прозвучало бы глуповато. «Мы тут тебя чуть не уколошили, но не со зла, так что уж не обессудь, приятель». Глупее не придумаешь. И все-таки, все-таки... Все это нужно было сделать. Но эта фигура с лицом, скрытым капюшоном вызывала...

Страх? Нет, Виктор был уверен, что это не страх... Тревога? Пожалуй, да. Тревога. Необъяснимая, иррациональная. Глупая и совершенно неуместная, как анекдот на поминках. Но ясно различимая. Она была сродни тому давно забытому чувству, которое охватывало, когда родители уходили куда-нибудь вечером, оставляя его, шестилетнего пацана, дома. В ту минуту, когда он получал прощальные поцелуи, наказ не подходить к телефону и инструкции по обращению с плитой, а потом закрывал дверь, страха как такового не было, он приходил позже. Но с самого начала было тягостное ожидание этого страха. Тоскливая уверенность в том, что он обязательно появится с первым шорохом под кроватью, с первой причудливо отброшенной огромным маминым фикусом тенью на полу комнаты.

Много лет спустя он случайно наткнулся на стихотворение Кеннета Петчена:

Иди же сюда, дитя,
если бы мы хотели
причинить тебе зло, неужели ты думаешь,
мы бы затаились здесь,
у дороги,
в самом темном уголке
леса?

Эти строки живо напомнили ему те моменты, когда он закрывал дверь за родителями и оставался один в полутемном коридоре. Предчувствие кошмара, томительное ожидание неизбежного ужаса. Тишина квартиры, наполненная тихим вкрадчивым шепотом чудовищ: «иди же сюда, дитя...»

И сейчас, глядя сквозь струи воды, стекавшие по заднему стеклу «девятки» на неподвижную фигуру в дождевике, вернее, на ее размытые контуры, Виктор будто перенесся в далекое детство.

Наконец, ОН заставил себя вылезти из машины, глубоко вдохнул холодный сырой воздух и поднял воротник куртки. Но капли дождя все равно проникали за шиворот, покалывая шею, словно десятки ледяных иголок. Виктор поежился. Тревога постепенно отступала.

– Ради бога простите, – сказал Виктор, подходя к незнакомцу. – Не заметил я вас. Поворот там, понимаете... Видимость тоже никуда.

Слова, которые срывались с губ, показались какими-то

ненастоящими, словно выпиленными из фанеры. Но других найти он не смог. Вид долговязой, совершенно неподвижной фигуры, которая буквально нависала над ним, как каменный идол с острова Пасхи, напрочь разогнал все связные мысли.

Пропитавшийся влагой дождевик свисал тяжелыми складками, и казалось, распахни незнакомец полы плаща, под ним окажется лишь тонкий шест с перекладиной на уровне плеч. Накладной нагрудный карман дождевика был наполовину оторван, и слабо колыхался на пронизывающем ветру, будто крошечный флажок. Тут и там виднелись кое-как залатанные прорехи. Несколько пуговиц не хватало. Дождевик выглядел так, будто его нашли на свалке.

– Ты как, мужик, в норме? – подошел Андрей, который со всеми сразу был на «ты».

– Да, в самом деле... Переломов нет? Как вы себя чувствуете? Может, в больницу? Извините меня, пожалуйста...

Вместо ответа незнакомец громко шморгнул носом. И снова у Виктора от затылка к пояснице аллюром «три креста» пронеслись мурашки. Ему показалось, что человек так и будет играть в молчанку...

«...До скончания века», – мелькнула шальная мысль.

И ее визгливый панический крик прокатился гулким эхом в голове:

«До скончания века. До скончания века. До скончания века...»

Боль, ослабившая было хватку, снова взялась за дело.

Ополоумевший гном бросил отбойный молоток, схватил бензопилу и принялся кромсать мозг, вереща от возбуждения.

Виктор посмотрел на незнакомца, придумывая, как бы повежливее распрощаться с этим молчуном. Он по-прежнему видел только подбородок, заросший седой щетиной, и кусочек тощей шеи с острым, сильно выступающим кадыком. И когда тот вдруг пришел в движение, Виктор невольно вздрогнул. Впечатление было такое, будто под кожей ожил дремавший до поры до времени зверек и решил вылезти на свободу, проделав дырку в горле своего хозяина.

– Д-д-да ничего, – заикаясь произнес незнакомец. Голос из-под капюшона звучал глуховато, но вполне миролюбиво. – С-ссо мной все в п-ппорядке. Не п-ппереживайте. Нога вот т-ттолько сильно ббо-лит. Раа-асшиб.

Виктору показалось, что в голосе мужчины мелькнули виноватые нотки. Тот будто извинялся за то, что так неудачно принял удар бампера.

– Нога? – растерянно переспросил Виктор.

– Ага, нога. Вот тттут, – мужчина вынул руку из кармана и прикоснулся к левому бедру. Рука была в брезентовой рукавице. – Раа-асшиб.

– Что, нога, говоришь? Кость целая? Хотя, если сам встал, значит – целая... Выходит, ушиб. – Сказал Андрей. Он едва доставал макушкой до груди незнакомца.

– Раа-асшиб, – согласно кивнул мужчина.

И снова Виктор уловил какую-то виноватость. «Господи, только этого не хватало», – подумал он.

Ему было бы куда легче, начини мужик качать права. По крайней мере, было бы чем крыть. А тут... Все равно что пнуть собаку, которая и так скулит, поджав хвост. Мерзейшее чувство.

– Может, в больницу вас отвезти? Рентген сделать, гипс там...

Незнакомец покачал под капюшоном головой:

– Да нет, не надо, с-спасибо. П-поздно уже. Куда вы на ночь глядя п-поедете. До города н-нне близко. Сам к-как-ни-будь...

– Как скажешь, – Андрей пожал плечами. – На нет и суда нет. Что, Вить, если претензий к нам нет, поедем?

– Так и оставим его здесь? Нога же у человека болит... Может, вас хотя бы до дома подбросить?

– До д-д-дома можно, – сказал мужчина. И помолчав, добавил. – А то ногу раа-асшиб. Б-бболит ссильно.

Андрей придвинулся вплотную к Виктору и, не сводя взгляда с незнакомца, прошептал:

– Он, по-моему, башку расшиб, а не ногу. – И уже для незнакомца: – А тебе куда надо? В Пески? Мы-то туда едем, если по дороге – захватим.

– П-ппо дороге, ппо дороге. Мне н-надо на б-базу. Знаете? На озере к-которая. Это рядом с-совсем.

Виктор кивнул. База действительно была неподалеку. Ки-

лометрах в трех от них была развилка. Проселок там раздвигался, и одна дорога продолжала бежать прямо, а другая, поуже, уходила влево, в сторону Псковского озера. На берегу озера и была расположена небольшая база отдыха, на которой уже давным-давно никто не отдыхал.

Построили ее в начале семидесятых для сотрудников какого-то завода-монстра. После перестройки завод развалился, народ расползся кто куда, а база осталась – не сносить ведь. Превратить ее в престижное место отдыха не получилось. Строили в свое время для простых работяг, привыкших к спартанской обстановке, и чтобы хоть как-то облагородить и обустроить, денег потребовалось бы столько, что дешевле новую построить. Какие-то средства город давал, вернее, те чиновники, которые любили сюда заехать в выходные. Средств хватило только на новую баню, которую поставили года два назад. Случались и редкие гости из Питера. Но в основном база пустовала. Присматривал за ней сторож из местных, который и жил там круглый год с женой.

Сторожа Виктор знал хорошо. Все звали его просто Коля, хотя в прошлом году он разменял седьмой десяток. Веселый, компанейский, немного жуликоватый, он не раз за пару бутылок и чисто символическую плату пускал их компанию попариться в отличной баньке и в сезон угощал шашлыками из лосятины. Хороший мужик, хотя и снял однажды колпаки с машины Сереги, свалив все на местных.

– Ну что, Андрей, подкинем до базы?

– Да, конечно. Я-то думал, еще куда нужно... А до базы – без вопросов. Только давайте тогда быстрее в машину, я уже мокрый, как мышь. Вить, тебя на секунду можно в сторону?

– Слушай, – тихо сказал Андрей, когда они отошли на пару шагов. – Кате этот черт не понравился. Вряд ли обрадуется, если он рядом сядет. Посади его рядом с собой, ладно? А мы сзади.

– Как скажешь, – Виктор пожал плечами.

Он махнул рукой незнакомцу и направился к машине.

Мужчина открыл дверь и втиснулся на сиденье. Ему пришлось практически сложиться вдвое, да еще нагнуть голову. И все равно макушкой он упирался в крышу.

В салоне резко запахло сырой землей и прелыми листьями.

– С-спасибо, – вежливо сказал мужчина, откинул капюшон и улыбнулся Виктору.

Виктор почти ожидал увидеть нечто вроде обмотанной бинтами головы мумии. Но рядом сидел обычный мужчина лет сорока. Разве что лицо было очень уж худым. Даже изможденным, как на фотографиях жертв концлагерей. В темноте как следует разглядеть его было нельзя. Но эту запредельную худобу Виктор заметил сразу – выпирающие скулы, провалившиеся глаза, губы, натянутые на зубы, так, что казалось, вот-вот порвутся. Редкие волосы на туго обтянутом кожей шишковатом черепе прилипли ко лбу, так что казались нарисованными. А от благодарной улыбки незнакомца

у Виктора мороз пробежал по коже. Ему улыбался череп. И при этом старался быть очень обаятельным.

Виктор глянул в зеркало, заметил белое лицо Кати и ободряюще подмигнул ей. Та ответила таким ненавидящим взглядом, что Виктор на мгновение забыл о головной боли.

Ему и самому было неуютно чувствовать рядом этого парня. На сумасшедшего он, конечно, не был похож. На грабителя – тем более. Но все равно Виктор очень жалел, что тот так неудачно повстречался на дороге.

Чтобы избавиться от неприятного чувства, Виктор сделал глубокий вдох и, как мог непринужденно, спросил:

– Вы к Коле едете? Как у него дела?

Незнакомец немного помолчал, потом неторопливо, немного растягивая слова, как все заики, проговорил:

– Я не к К-к-коле. Он ббольше там не р-рработает.

– Почему? Уволился?

– Ну, вроде ттого. Уехал. Вместе с женой и с собакой.

На слове «собака» голос незнакомца немного изменился. Совсем чуть-чуть. Но Виктор понял, что собак мужчина недолюбливает. И, кажется, побаивается. Впрочем, Колиного пса боялись все. Ничего удивительного – огромный свирепый кавказец, который даже на хозяина смотрел, как на потенциальный ужин.

– И кто вместо Коли теперь?

– Я.

– Давно?

– С неделю. А вы сами в ддеревню едете?

– Да. У друга нашего день рождения. Может, знаете, Па-
рамонов. Бабушка у него здесь жила, Нина Михайловна. Три
года назад умерла.

– Н-нинка-то? Ну как же не знать! Та еще с-с-ссучка ббы-
ла...

Виктор снова услышал неприкрытую злобу в голосе муж-
чины. Он бросил быстрый взгляд на незнакомца. Тот сидел,
задумчиво глядя на черную стену деревьев за окном.

– Самая настоящая с-сссучка, – после паузы повторил он.

– Ну, зачем вы так, – мягко сказал Виктор. – Очень милая
старушка была.

Мужчина внимательно посмотрел на него.

– Милая? Я бы вам ррассказал, ккакая она на самом деле
«м-ммилая»... Да ладно. Как гговорится, кто сстарое помя-
нет, тому гглаз вон...

Незнакомец на секунду замолчал, а потом удивленно вос-
кликнул, уже не заикаясь:

– Надо же, а? Глаз вон!

И хрипло рассмеялся, будто сказал что-то очень смешное.

Виктор глянул в зеркало заднего вида, поймал взгляд Ан-
дрея, который, судя по всему, уже готов был сказать что-
нибудь эдакое, и покачал головой. Незачем было вступать в
дискуссию. Виктор понял, что незнакомец не в себе. Не су-
масшедший, конечно... Пока. Но окончательный слет с ка-
тушек не за горами. И любые разговоры будут сейчас, что

называется, в пользу бедных. Даже хуже – этот парень может выкинуть какую-нибудь глупость, если услышит что-то неприятное для себя. А как могут вести себя в таких случаях подобные типы, Виктор знал хорошо. Для Катиных нервов это будет серьезным испытанием.

До развилки оставалось совсем немного. А там пара километров по узкой лесной дороге, и они на месте. Высадят этого парня к чертям собачьим, и тут же обратно. Главное, не спровоцировать его сейчас. Виктору не нужны были бессвязные выкрики, дерготня и забрызганное слюной лобовое стекло.

Но незнакомец, к счастью, пока вроде бы не собирался устраивать сцен. Сидел, чинно положив руки в брезентовых рукавицах на острые колени, и с детским любопытством разглядывал огоньки на приборной доске.

«Интересно, кто же это взял его сторожем-то на базу? У кого ума хватило? – подумал Виктор, увидев, как мужчина протянул руку и осторожно коснулся болтавшейся на зеркале ароматизированной елочки. Когда-то на ее месте висела маленькая иконка. Еще до того, как Виктор окончательно выяснил отношения с Богом. – Везде блат... Готовы любого придурка назначить, если родственник или приятель».

– А это что? – спросил мужчина, указывая на елочку.

– Ароматизатор. Ну, вроде освежитель воздуха. Чтобы в салоне пахло хорошо, – Виктор говорил тем тоном, который обычно приберегал для самых тяжелых клиентов.

– Ишь ты! – мужчина хмыкнул.

Виктор снова поймал взгляд друга. Андрей выразительно покрутил пальцем у виска. Виктор кивнул и снова пожалел, что был так невнимателен на дороге.

До развилки доехали без приключений. Виктор повернул налево, и машину тут же начало кидать из стороны в сторону. По сравнению с этой дорогой проселок, с которого они свернули, был просто автострадой.

Виктор стиснул руль, чувствуя, как при каждом толчке гномья бензопила с воем вгрызается в кости черепа. Радовало только, что незнакомец по-прежнему вел себя тихо, хотя то и дело бился головой о потолок, а коленями – о крышку бардачка. Он молчал, глядя в окно и, судя по всему, полностью ушел в свои мысли.

«Потерпи еще немного, приятель. Совсем чуть-чуть. Немного выдержки, и все закончится хорошо. Только не заводишь. Подумай о чем-нибудь приятном. Например о том, что...»

...ТО, ЧТО КОГДА-ТО ЕЛО, САМО ДОЛЖНО БЫТЬ СЪЕДЕНО.

Виктор чуть не подпрыгнул на сиденье, когда эта фраза вспыхнула в мозгу, ясная, четкая, как неоновая вывеска. Каждая буква переливалась разноцветными огоньками, и все вместе они складывались в какую-то омерзительную бессмыслицу. Это не было похоже на обычный мыслительный процесс, когда слова «проговариваются» про себя, рож-

дая какие-то визуальные образы. Он на самом деле видел внутренним взором эту фразу, абсолютно чужую, запредельно чужую... Эдакое мыслительное граффити. Будто кто-то забрался к нему в голову и принялся малевать на поверхности сознания всякую дрянь.

Ничего подобного Виктор еще не испытывал. Ощущение было странным и пугающим.

«Господи, неужели это опухоль так дает знать о себе? – похолодев, подумал он. – Неужели это только начало, и головная боль – вовсе не самое страшное?»

Он вытащил из нагрудного кармана пачку «Кэмел», вдавил прикуриватель, и когда тот с щелчком выпрыгнул из гнезда, поднес ярко-красную спираль к кончику сигареты. Ему пришлось докурить сигарету до самого фильтра, прежде чем липкие холодные пальцы, сжимавшие его желудок, ослабили хватку.

Они продолжали дорогу в полной тишине. Но она была сродни той тишине, которая наступает за несколько мгновений до первого грозового раската. Виктор всей кожей чувствовал, что одно неверное слово, одно движение, и машина превратится в мини-палату для буйнопомешанных. Только без мягких стен и дюжих медбратьев. Зато псих будет просто отличный.

И когда свет фар, наконец, выхватил покосившиеся, распахнутые настежь ворота базы, Виктор не смог подавить вздох облегчения. Андрей с Катей тоже оживились.

«Девятка» медленно вползла на территорию базы, миновав забор, обтянутый ржавой, местами порванной железной сеткой, и остановилась. Впереди шагах в двадцати темнел дом, в котором раньше жил сторож Коля с женой. Теперь его, должно быть, занимал незнакомец. Перед домом лежали в ряд накрытые брезентом лодки, стоял старенький трактор – приобретение Коли, которое он так и не привел в порядок. Чуть дальше справа едва угадывались в сгустившихся сумерках три двухэтажных коттеджа для отдыхающих. Нигде не было видно ни огонька. Виктора это не удивило. Они часто приезжали сюда и заставляли именно такую картину – погруженные во мрак домишки среди высоких сосен.

– Ну вот, – выдохнул Виктор. – Приехали. Всего вам доброго, и извините меня еще раз.

Но незнакомец сидел сиднем, разглядывая рукавицы. Всем видом он давал понять, что никуда не торопится.

Виктор почувствовал, что его терпение на пределе. Да, конечно, больной человек есть больной человек. Нужно относиться к нему с пониманием и все такое. Даже если от него тебя бросает в дрожь... Есть, в конце концов, профессиональная этика. Но в сложившихся обстоятельствах лучшим выходом для всех было побыстрее распрощаться и не выяснять, у кого первого сдадут нервы.

– Всего доброго, – повторил Виктор, стараясь, чтобы голос не звучал виновато.

– Не так быстро, – медленно проговорил незнакомец,

оторвавшись, наконец, от изучения рукавиц. – Не так ббыстро... У меня к вам еще одно д-дельце. Видите ли, я очень хочу есть...

* * *

Сергей протопал в сапогах через комнату, положил на пол охапку поленьев, открыл створку дверцы в печке и присел на корточки. Лицо обдало жаром. Он протянул руки к огню, бездумно глядя на пламя.

В комнате пахло дымом и сыростью. Она еще не успела протопиться, хотя Сергей не жалел дров. Печь давно надо почистить, привести в порядок, но заняться этим некому.

Дед умер три года назад, ненамного опередив жену. Последнее, что он сделал для дома – установил собранный собственными руками дизель-генератор. Такой дизельный монстр был здесь почти у каждого жителя – обычное дело после того, как электричество стало роскошью, доступной не каждому. С соляркой проще – ее можно выменять у ближайшего совхоза на что угодно. А еще проще – слить втихую ночью с совхозных машин, да и дело с концом.

Сейчас генератор деловито тарахтел за стеной, питая старенький черно-белый «Рекорд» и лампочку в шестьдесят ватт под потолком. Лампочка заливала тусклым неуверенным светом единственную комнату. Комната, которая служила одновременно и кухней, и гостиной, и спальней, была

разделена на две половины древним, как череп динозавра, сервантом. Выцветшие обои, розы на которых давным-давно превратились в размытые пятна неопределенного цвета, подчеркивали убожество жилища, знавшего три поколения Парамоновых.

Летом здесь все выглядело немного иначе. При ярком солнечном свете комната неуловимо преображалась. Исчезали бурые потеки клея под обоями, пропадали сами собой щели в дощатом, выкрашенном коричневой краской полу. Рассохшийся, покосившийся сервант словно вытягивался по стойке «смирно», и бодро посверкивал остатками лака на дверцах.

Сейчас же комната выглядела, как старая кокетка, смывшая перед сном косметику и превратившаяся в то, чем на самом деле была – в одинокую несчастную старуху.

«А может быть, дело вовсе не в солнечном свете, – подумал Сергей, окидывая взглядом комнату. – Просто раньше ты всего этого не замечал. Тебе было наплевать. Ты был здесь один или с друзьями, которым тоже наплевать на обои и прочую дребедень. Теперь же ты смотришь глазами Вики, а для нее занавески, подобранные не в тон – настоящее преступление».

– Не утруждаешь себя, да? – сказала Вика.

Она сидела на диване, поджав ноги, укутанные пледом, который предусмотрительно взяла с собой из города. На ней была толстая фланелевая рубашка Сергея в крупную клетку, и женщина зябко куталась в нее.

– Конечно, зачем снимать грязные сапоги! Мать меня рожала специально для того, чтобы я бегала за тобой с тряпкой.

Говоря это, Вика не отрывала взгляда от телевизора. На экране сквозь помехи время от времени пробивалась размытая зернистая картинка. Мужской голос что-то лопотал по-эстонски.

– Попробуй стащить сапоги, когда в руках у тебя охапка дров! Вот пойд и попробуй. А еще лучше – потаскай дрова сама.

Сергей направился к выходу, оставляя грязные лужицы на дощатом полу, который тяжело скрипел при каждом шаге. В сенях он снял сапоги, надел разношенные рваные кроссовки и вернулся к печке. Подбросил два полена в огонь, подождал, пока они займутся, и закрыл дверцу.

Он сел за стол, уставленный пластиковыми контейнерами с салатами, банками маслин, бутылками и стопками одноразовой посуды, вытащил из пачки сигарету, но, заметив, как вытянулись в ниточку губы Вики, передумал и убрал сигарету на место. Некоторое время они сидели молча, уставившись в телевизор.

Ходики на стене прокуковали девять вечера.

– Ну, и где твои друзья? – Вика смахнула с клеенки несуществующие крошки. – Или они думают, что я всю ночь буду с ними сидеть, так что спешить некуда?

– Я не знаю, Вик. Мы договаривались на семь. Уже давно должны были приехать.

– Так позвони им. Что, руки отвалятся?

– Ну не берет здесь телефон, сколько раз говорил!

– А ты попробуй. Или ты вообще ничего сделать не можешь, кроме как гадить?

– Господи, ну почему не могу-то?

– Не знаю. Родился, наверное, таким.

– Как же меня все это достало!

– Что именно?

– Выходки твои.

– Милый, ты сам виноват. Нужно делать все нормально, а не через жопу. Я тебе с самого начала говорила – незачем ехать в эту глушь. Нет! Нам же приспичило! – Вика уже не смотрела в телевизор. – Объясни мне, что ты здесь забыл? А? Чего молчишь? Ну, понятно, тебе-то что! Мы ведь нажремся, как обычно, заблужаем все вокруг и дрыхнуть завалимся со своими друзьями. А мне готовить на этой дерьмовой плитке, а потом убирать да мыть за вами посуду в ледяной воде. Ты вон даже шмотки из машины не принес! Только бухло и прихватил.

– Ну зачем тебе сейчас одеяла и «Фери»? Потом принесу. Успеется.

– У тебя всю жизнь так, все «успеется». Много успел-то?

Вика посмотрела на Сергея, будто действительно ждала ответа, и снова отвернулась к телевизору.

Сергей взял пачку «Пэлл-Мэлл» и молча вышел из комнаты. В последнее время такой молчаливый уход, больше напо-

минавший бегство, стал единственно возможным ответом. И что самое плохое – Сергей каждый раз чувствовал облегчение, когда дверь захлопывалась. Год назад его еще хватало на арьергардные бои. И последнее слово, оставленное за собой, было чем-то вроде медали за мужество. Но год – большой срок. Особенно, если жизнь достаточно трудолюбива, чтобы регулярно отвечать тебе хороший пинок.

На улице похолодало. Дождь перестал, и на смену ему поднялся ветер. Не очень сильный, но волглый и какой-то пронырливый. Он забирался под одежду, стоило появиться хоть маленькой щелочке, и липкими стылыми пальцами прикасался к разгоряченной коже, вызывая дрожь. Сергей плотнее запахнул куртку, поежился и закурил, глядя в темноту.

Возможно, идея приехать сюда в октябре была не такой уж хорошей. Но это ведь не просто забытая богом деревенька, и дом – не старая развалюха с протекающей крышей, а единственное место, где он бывал по-настоящему счастлив. Да и не только он – Виктор с Андреем тоже, хотя у них, возможно, есть и другие места. А здесь... Это *их* место.

Сергей глубоко затаился. Да, здесь они проводили лучшие деньки. Единственное, что стоило вспоминать и чем стоило дорожить. И где, как не здесь отметить такой день рождения? Тридцать три года, возраст Христа – настоящее совершеннолетие для мужчины.

Но разве объяснишь это ей? Сергей посмотрел на освещенное окно комнаты. Он не видел Вику, но знал, что она

все так же сидит, уставившись в телевизор. И он знал, что в состоянии холодного бешенства она способна просидеть так хоть всю ночь, время от времени отпуская язвительные реплики. За те три года, что они были женаты, она ни разу не повысила голос во время скандалов. Но, несмотря на это, а может, именно благодаря этому, каждая ссора с ней выматывала до предела. Что-то вроде снайперской дуэли, в которой проигравшим неизменно оказывался он.

Сергей щелчком отправил сигарету в темноту. Окурок начертил красивую оранжевую параболу и погас во влажной жухлой траве. Нужно было возвращаться в дом.

– Ну что, – сказала Вика, когда Сергей переступил порог комнаты. – Нету твоих дружков? Может, плюнули на тебя? Какой нормальный человек в такую погоду попрется за город?

Она, наконец, выключила телевизор и теперь сидела с кроссвордом.

– Ну мы же с ними договаривались, Викуль. Где-то задержались, наверное. Хотя, два с половиной часа... Я даже волнуясь.

– Ага, волнуешься, что не выпьешь.

Сергей вздохнул. Взял со стола старенькую Nokia и посмотрел на экранчик, в надежде, что случилось чудо, и появился хоть один штришок на индикаторе связи. Но увидел лишь надпись «Поиск сети».

– Стихотворный метр с сильными местами на нечетных

словах стиха? Пять букв, – не поднимая головы от газеты, спросила Вика.

– Хорей. Слушай, а может, застряли они? Дорогу вон как размыло, а они на Витькиной «девятке»...

– Может быть, может быть, – рассеянно сказала Вика, вписывая очередное слово.

– Я серьезно. Если сели где-то, самим не выбраться. У нас так было года два назад. Влетели в колею, ее грузовики накатали, да так засели, что пришлось попутки дожидаться, чтобы нас дернули. Самим не вытолкать было.

– Знаешь, мне, честно говоря, все равно, что там у них случилось. Жду еще полчаса, а потом ложусь спать. Веселиться во дворе.

Сергей еще раз глянул на телефон, потом достал из сумки книжку и уселся напротив жены. Ничего другого не оставалось. Он бы, конечно, с удовольствием пропустил глоточек, но Вика этого не потерпит. Тогда вечер будет испорчен окончательно.

«Можно подумать, что сейчас он удался», – мрачно подумал Сергей, глядя на бутылку «Флагмана». Открыл книгу и попытался сосредоточиться на чтении. Получалось плохо. Он то и дело прислушивался, надеясь услышать шум мотора, но с улицы доносилось только тарахтенье генератора.

Когда часы прокуковали десять, он закрыл книгу.

– Я все-таки прокачусь немного, посмотрю, – сказал он.

– Сдурел? Куда ты на ночь глядя поедешь? Выберутся

твои дружки, никуда не денутся. Такие всегда выбираются.

– Виктория, перестань, а? Я быстро. До шоссе не поеду, там дорога вроде нормальная была. За развилку проскочу немного, и сразу назад. Хочешь, поехали со мной.

– Ты, скотина, издеваешься надо мной, что ли? – женщина оторвалась от кроссворда и в упор посмотрела на Сергея. – Я с тобой уже поехала сегодня.

Он хорошо знал этот взгляд, означавший, что время слов закончилось и наступило время дел. Когда она смотрела так, спорить было бесполезно. Теперь он мог сделать все, что угодно – хуже уже не будет.

– Я скоро, – буркнул он, и быстро вышел из комнаты, плотно прикрыв дверь.

* * *

Вика слышала, как заскрипели ступеньки крыльца, потом хлопнула дверца «Нивы», и через несколько секунд заурчал двигатель. Пока прогревался мотор, она ждала, что Сергей все-таки передумает и вернется. Поднимется по ступенькам крыльца, откроет дверь и войдет с виноватым и немного растерянным видом. А потом... Потом она простит ему его дурацкую затею, как прощала всякий раз. Она прекрасно знала, что он считает ее стервой. Да она и была стервой, чего уж тут скрывать. Но вовсе не потому, что он себе навоображал.

Как все мужчины, он выдавал желаемое за действительное и даже не пытался покопаться в ящичке отношений – а нет ли там второго дна. Для него все было просто и ясно. Если она говорила, что он неудачник – он начинал мямлить о перспективах на работе. Когда она заявляла, что он ни черта не может сделать, он затеивал очередной ремонт, доказывая с простодушием ребенка, что руки у него растут оттуда, откуда надо. Господи, да неужели он всерьез думает, что ее в тридцать четыре года волнует, как он умеет клеить обои?

Тридцать четыре года... Не двадцать четыре, когда тебе кажется... да нет, ты уверена, что еще все успеешь. Тридцать четыре. Еще не старуха, но по утрам на макияж времени уходит больше, чем раньше. И с каждым годом время, проведенное в ванной перед зеркалом, будет только увеличиваться. Еще не старуха, но гинеколог все с большим сомнением покачивает головой, когда речь заходит о беременности. Конечно, рожают и в пятьдесят лет... Но это как рассказы о цунами и землетрясениях – ты знаешь, что такое действительно случается, и в то же время ты убеждена в том, что никогда не столкнешься ни с чем подобным.

Вика услышала, как отъехал Сергей. Все-таки он не передумал. Поехал выручать своих друзей. А кто выручит ее? Она хотела заплакать, но взяла себя в руки, хотя это было непросто. Хороша она будет, когда приедут гости и увидят ее зареванной. Здесь, в этой халупе не так-то просто привести себя в порядок. И все сразу поймут, какая она на самом

деле старуха. Самая настоящая старуха.

Слезы все-таки выступили на глазах, и она осторожно промокнула их бумажным платком, стараясь не размазать тушь.

– Господи, какой же дурак, – вслух сказала она. – Какой же дурак.

Она достала из сумочки пачку «Вирджинии слимс», накинула на плечи куртку и вышла из комнаты. Можно было, конечно, покурить и в доме, Сергей и слова бы не сказал – он смолит, где попало, дай только волю. Но она не выносила даже слабый запах табака в помещении.

Вика вышла на крыльцо и полной грудью вдохнула холодный воздух. В разрывах облаков показалась луна, заливая ровным тусклым светом деревню. Дом стоял на небольшом пригорке, почти вплотную к лесу, на отшибе. Но зато с его крыльца можно было окинуть взглядом всю деревеньку.

Десяток домов был как попало разбросан по обе стороны дороги, которая и была, собственно, единственной улицей. Вокруг каждого теснились какие-то сарайчики, крошечные баньки, амбары, которыми никто давно уже не пользовался, и они просто гнили, тихо-мирно доживая свой век. Сергей говорил, что здесь и летом чуть не половина домов пустует.

Неприятное место. Днем оно показалось Вике просто унылым, а вот ночью... Темнота, тревожный шум леса позади, загадочные жители, которые не хотят показываться незваным гостям... У девушки по спине побежали мурашки.

Луна опять скрылась, а через минуту начал накрапывать дождик. Вика быстро докурила сигарету, выбросила окуроч и нырнула в комнату. В последний момент, когда она закрывала дверь, ей показалось, что в одном из домов мелькнул свет.

В комнате Вика первым делом вытерла следы, оставленные Сергеем. Потом, убедившись, что больше грязи нигде не видно, скинула кроссовки, забралась с ногами на диван и закуталась в плед. Взгляд упал на газету с неразгаданным кроссвордом. Делать было больше нечего, и женщина, вздохнув, потянулась за ней.

Некоторое время она разгадывала кроссворд. Но смутная тревога, охватившая ее на крыльце, не давала сосредоточиться. Мысли вертелись вокруг погруженной в темноту деревни. Пустой, абсолютно безмолвной, несмотря на не поздний еще час. Неужели тут все ложатся спать, едва стемнеет? Все? И собаки тоже? Только сейчас она поняла, что за весь вечер ни разу не слышала собачьего лая.

Конечно, деревня – это не пригородное садоводство, где через дом живет какая-нибудь сямка, и стоит пройти мимо, как ее твяканье подхватывают все окрестные псы. Но неужели *ни одной* собаки?

Нет, очень неприятное место. Вика брезгливо осмотрела комнату. Господи, как можно *здесь* жить? Все такое старое, что кажется, ткни пальцем – рассыплется в труху. Наверняка мышей видимо-невидимо. Вику передернуло. Ей показ-

лось, что она слышит тихий топот бесчисленных лапок над головой. Скрипы старых рассохшихся балок, похожие на тяжелые вздохи, невнятное шуршание за стеной, дребезжание стекол в рамах, когда ветер ударял в них мягким кулаком – все эти обычные для старых домов звуки, звуки, которых она раньше не слышала, вдруг проникли в сознание. Вике стало не по себе.

Она всегда смеялась над рассказами о домах с привидениями. Слишком хорошо знала, что в жизни есть вещи и похуже – например, отчим, норовящий по пьяни залезть под юбку четырнадцатилетней падчерице. Или муж-алкоголик, от которого приходится делать аборт за аборт, и который избивает жену всякий раз, когда она заводит речь о разводе. По сравнению со всем этим, о господи, любое привидение покажется милягой.

Но сейчас, в пустом старом доме, наполненном таинственными шорохами, в доме, где по рассказам Сергея, три года назад умерла его бабушка, рассказы о призраках уже не казались анекдотами для дебилов.

Нет, она не верила, что духи умерших возвращаются на землю, чтобы поразвлекаться, пугая слабонервных дурочек. Но ведь и в детстве ты знаешь, что в шкафу не живет Кровавый Скелет, потому что не раз заглядывала туда при свете дня и ничего, кроме платьев и коробок с обувью, не находила. Однако стоит выключить вечером свет, твоя уверенность в этом куда-то испаряется... И едва скрипнет двер-

да шкафа, ты почти различаешь в темноте костлявую руку, тянущуюся через всю комнату.

– Ну, хватит! – громко сказала Вика. – Не будь идиоткой...

Она встала с дивана и включила телевизор. Треск помех и прорывающийся сквозь них лепет эстонского репортера заглушил скрипы и вздохи старого дома. Все детские страхи тут же рассеялись.

Вика подошла к зеркалу над раковиной. Придирчиво осмотрела себя и осталась почти довольна. Отличная кожа, никаких намеков на морщины, даже шея – часть тела, безошибочно указывающая на возраст, как годовые кольца на срезе дерева, в полном порядке. Грудь, конечно, уже не та, что в молодости, но если правильно подобрать лифчик, это не заметно. Нет, не так уж все плохо.

Вика послала своему отражению воздушный поцелуй и направилась было к дивану, но застыла, не сделав и двух шагов. В стекле окна отражалась тускло освещенная комната, и разглядеть, что происходит на темной улице, было почти невозможно. Но все же... Да, пожалуй, показалось, что там, в чернильной темноте, разлитой за окном, мелькнула светлая фигура.

Девушка немного постояла, глядя в окно, но ничего, кроме комнаты и себя в ней, не увидела.

«Показалось, – подумала она, но сердце застучало быстрее. – А может, ребята приехали?»

На всякий случай Вика погасила свет и выключила звук телевизора. Теперь безмолвную комнату освещал только голубоватый экран «Рекорда» и отблески огня, пробивающиеся сквозь щели печной дверцы. Вика осторожно приблизилась к стеклу и посмотрела на улицу. Сначала ничего не было видно, и она уже начала успокаиваться, но вот в кустах, росших вдоль соседнего забора, снова на мгновение показалось что-то светло-серое. Показалось и исчезло. До девушки донесся приглушенный расстоянием хруст веток.

Вика отпрянула от окна. Сомнений не осталось – на улице кто-то был. Человек или животное, но кто-то бродил неподалеку. Сергей рассказывал, что в этих лесах хватает зверья. Поля рядом с деревней были огорожены низким плетнем, чтобы посевы не вытаптывали кабаны, богатеи приезжали поохотиться на лосей или волков, а местные утверждали, что встречаются и медведи.

«Какие медведи, господа, не будь дурочкой! Медведи не светло-серые... А может, собака? Или... или...»

Что «или» Вика не знала. Осторожно, морщась от каждого скрипа, она подошла к телевизору и выключила его. В комнате стало совсем темно. И очень, очень тихо... Было слышно, как по стеклу шуршат капельки дождя, а позади дома работает дизель-генератор. Тонг-тонг-тонг.

Вдалеке пронзительно и тоскливо прокричала какая-то ночная птица, заставив Вику вздрогнуть.

«Господа, где же Сережа? Почему так долго-то? Скотина,

Сереженька, приезжай быстрее!»

Рядом с домом, с той стороны, которая была обращена к лесу, раздался треск. Под чьей-то ногой сломалась ветка. Через секунду – еще одна, чуть ближе. Вдруг генератор громко чихнул, и монотонное тонг-тонг-тонг оборвалось. Вика зажала ладонью рот, чтобы не вскрикнуть.

От навалившейся тишины зазвенело в ушах. И в этой вязкой тишине девушка ясно услышала тяжелые шаги. Кто-то грузно ступал по чавкающей грязи, неторопливо обходя дом по кругу. Шаги направлялись к крыльцу.

«Дура, господи боже мой, вот дура! *Я же не заперла дверь!* Идиотка, идиотка, идиотка! Ну надо же быть такой дурой!»

Вика вскочила с дивана, и тут же налетела на стол. Послышался стук падающих бутылок. Одна скатилась на пол и разбилась со звуком, похожим на выстрел. По комнате разлился резкий запах коньяка. Но Вика не обратила на это внимания. Касаясь руками столешницы, она быстро обогнула стол, не думая ни о чем, кроме незапертой двери на крыльце. И тут же поплатилась за это. Ногу пронзила острая боль, будто кто-то вогнал в ступню раскаленный гвоздь.

Вика взвыла, из глаз брызнули слезы. Шерстяной носок наполнился чем-то горячим и липким. Женщина навалилась на стол и закусил губу, преодолевая боль.

«Осколок. Ты только что распорол ногу, дура несчастная!» – ей хотелось упасть и разрыдаться, не столько от боли, сколько от отчаяния и злости на собственную глупость.

Шаги были уже совсем рядом, под самыми окнами. Ей даже показалось, что в том, которое было ближе к крыльцу, мелькнуло что-то напоминающее островерхий колпак.

Страх подстегнул ее. Рука сама собой потянулась к раненой ноге и нащупала осколок, величиной с пятирублевую монету, засевший точно в середине подошвы. К горлу подкатила тошнота, и на секунду Вике показалось, что она сейчас упадет в обморок. Воображение услужливо нарисовало картину, которую глаза не могли увидеть – пропитавшийся кровью носок, из которого торчит острый иззубренный кусок стекла. Но времени терять сознание не было. Стараясь ни о чем не думать, Вика ухватила двумя пальцами осколок, вырвала его из раны и отбросила в сторону. Вспышка боли заставила ее вскрикнуть, но зато и прояснила сознание. Слабость и тошнота исчезли.

Выставив руки вперед, девушка заковыляла к выходу из комнаты, опрокинув по пути табуретку.

Но, взявшись за ручку двери, ведущей в сени, застыла, не в силах справиться с парализующим ужасом. А вдруг она выйдет в сени и столкнется нос к носу с этим типом?

«Не глупи, пожалуйста, не валяй дурочку! Только не сейчас. Крыльцо не скрипело, он еще не дошел. Быстрее, быстрее же! Ну!»

Собравшись с духом, Вика потянула на себя дверь и выглянула в темные, хоть глаз выколи, сени. Прислушалась. Шаги приближались. Медленно, но все же приближались.

Она поняла, что еще чуть-чуть, и скрипнут ступени крыльца. У нее было несколько секунд.

Вика шагнула вперед и зашарила рукой по стене в поисках выключателя. Сердце колотилось так, что заглушало все остальные звуки.

«Да где же он? Где же этот блядский выключатель?!» – в отчаянии подумала она, услышав, как под весом незнакомца застонала первая ступенька.

Наконец, рука наткнулась на пластмассовую коробку. Ледяными пальцами Вика повернула допотопный рычажок и... Ничего не произошло.

«Генератор! – пронеслось в голове. – Дура, *он* же остановил генератор!»

Колени подогнулись, и она начала сползать по стене, чувствуя во рту противный кислый привкус.

«Вот и все, – стучало в висках, – вот и все, вот и все... Что же мне делать? Что делать?»

И тут холодный трезвый голос, который уже не раз выручал, когда ей, совсем молодой девчонке, приходилось вступать в схватку с разъяренным, допившимся до чертиков мужем, голос, принадлежавший другой части ее сознания, древней, животной, но расчетливой и готовой на все ради спасения жизни, произнес:

Зажигалка. В заднем кармане джинсов у тебя зажигалка.

Всхлипнув, Вика сунула руку в карман и вытащила одно-

разовую зажигалку. Вспыхнувший огонек разорвал непроглядную темноту. В тусклом дрожащем свете женщина разглядела прямо перед собой висевшую на вбитых в стену гвоздях одежду – старые ватники, плащ, замызганную куртку. Слева был свален в кучу какой-то хлам, старый лодочный двигатель и кipa старых заплесневевших газет. Но самое главное – она увидела входную дверь в нескольких шагах от себя и полосу ржавого засова.

Огонек зажигалки погас, но это уже не имело значения. Сознание словно сфотографировало захламленные сени, и она, ни разу не споткнувшись, в мгновение ока оказалась у двери.

И успела вовремя. Кто-то уже тянул дверь на себя с той стороны, но Вика, преодолевая сопротивление, резко захлопнула ее и вогнала ржавый засов в паз. Замерла, прислушиваясь. Крыльцо больше не скрипело. Ночной визитер остановился. До Вики донеслось неразборчивое бормотание. Глухой, хриловатый голос, от которого у нее на руках волосы встали дыбом. Слов было не разобрать, незнакомец говорил очень тихо. Потом снова скрипнула половица. Человек начал спускаться с крыльца.

Вика судорожно вздохнула. Сердце колотилось так, что казалось – ребра вот-вот треснут. Она щелкнула зажигалкой и на негнущихся ногах прохромала обратно в комнату. Выглянула в окно. Незнакомца видно не было, но чувствовалось, что он где-то поблизости. Далеко он уйти не мог.

Девушка перевела дух. Нужно было что-то делать. Конечно, это мог быть всего лишь безобидный пьянчужка, пришедший поклянчить бутылку. Но, о господи, хватает ведь и всяких маньяков! Правда, она ни разу не слышала, чтобы маньяк появился в деревне. Обычно свои дела они творят в городах... Но чем черт не шутит? К тому же, зачем бы это пьянице останавливать генератор?

Вика прислушалась. Шагов слышно не было. Это ее немного приободрило. Нервная дрожь по-прежнему сотрясала тело, но мысли чуть замедлили сумасшедший бег. Первым делом нужен свет. Дом она знает плохо, и может сама загнать себя в угол или просто переломать кости, носясь по комнате. Осколок в ноге – хороший урок.

Но откуда взять свет? Выйти на улицу и попытаться самой запустить генератор? Ха-ха, очень смешно! Зажигалка? Погаснет, стоит сделать пару шагов. Взять горящее полено? Вика нерешительно посмотрела на печку.

И тут ее осенило – телефон! Там есть светодиод, который заменяет вспышку при фотографировании. Она часто пользовалась им, как фонариком, когда приходилось идти по темному двору или подъезду, возвращаясь вечером домой. С настоящим фонарем он, конечно, сравниться не мог, но все же светил достаточно ярко. Достаточно для того, чтобы не сплестись на осколках или не расшибить голову о дверной косяк.

Вика щелкнула зажигалкой, осветила диван, отыскала сумочку и нащупала в ней телефон. Откинула крышку, убедилась

лась, что батарея полностью заряжена и облегченно вздохнула. Попыталась позвонить Сергею, но сети не было.

«Чертова глушь! – зло подумала она, включая фонарик и оглядываясь. – Ну, хорошо, что дальше, девочка? Что нам с тобой делать дальше?»

Белый матовый огонек светодиода выхватил из темноты кусок стола, усеянный осколками и залитый темной жидкостью пол. Вика подумала, что жидкость эта – ее кровь, смешанная с коньяком. Мечта вампира-алкоголика. Она нервно усмехнулась.

Взгляд упал на прислоненную к печке кочергу. Хромая, Вика подошла и взяла ее в руку. Тяжелая. Девушка почувствовала себя увереннее. Дверь заперта, а если этот придурок подумает залезть в окно – что ж, ему придется несладко. Пусть только сунет сюда башку. В том, что ей хватит мужества опустить кочергу на голову незнакомцу, Вика не сомневалась. Отчим и первый муж приучили ее заботиться о себе, а не о здоровье нападающего.

Теперь нужно было посмотреть, что с ногой. Она доковыляла до дивана, села подальше от окна и стянула носок. Нога была в крови. На подошве, чуть ближе к пятке, виднелся стежок пореза. Слава богу, он был неглубоким, кровь уже начала сворачиваться. Хорошо было бы промыть и заклеить ранку пластырем, но аптечка в машине.

«Ладно, – подумала Вика. – Потом. Это потом... Сейчас обуйся».

Она натянула носок на раненую ногу и взяла кроссовку. С улицы донесся слабый шум. Она замерла, затаив дыхание, с кроссовкой в одной руке и телефоном с другой. Через несколько секунд шум повторился. Вика сглотнула слюну. Шум неясный, едва уловимый. Было непонятно, откуда именно он идет. Вроде бы со стороны пристройки, оттуда, где... И тут ее словно окатили ледяной водой.

Вторая дверь! Как же она могла забыть про вторую дверь!

С западной стороны была небольшая пристройка. Что-то вроде сарая, примыкавшего вплотную к дому. Когда-то, по рассказам Сергея, в пристройке хранили сено, но теперь она использовалась в качестве свалки для всякого старья. Попасть туда можно было и с улицы, и прямо из дома, пройдя через сени. Своеобразный черный ход.

Вика почувствовала, как ужас холодной липкой ладонью сжимает сердце. Она силилась вспомнить, открывал ли сегодня эту дверь Сергей. Если нет – то волноваться нечего, обычно она запиралась изнутри на висячий замок. А вдруг открывал?.. Мало ли, что могло ему там понадобиться. Открыл и, разумеется, не стал закрывать – какой смысл, если они еще не уезжают?

Господи, что если этот тип найдет дверь и проникнет в дом? Что, если он УЖЕ В ДОМЕ?

Вся ее решимость дать отпор незваному гостю кочергой куда-то испарилась. Одно дело лупить по голове человека,

когда он пытается залезть в окно и практически беспомощен. И совсем другое – вступить с ним в открытую схватку в темной комнате.

Нужно было встать, выйти в сени и проверить эту чертову дверь. Причем сделать это сейчас же, не теряя ни секунды. Но Вика словно примерзла к дивану. Все, на что ее хватило – уронить носок и, погасив импровизированный фонарик, нащупать непослушной рукой кочергу.

Сколько она так просидела, слушая гулкие удары собственного сердца и вглядываясь во мрак комнаты, Вика не знала. Показалось, одну-две вечности минимум. Шум не повторялся.

Наконец, она тихонько вздохнула и пошевелилась. Похоже, тот путь для незнакомца остался закрыт, иначе она давно уже услышала бы тяжелые шаги в сенях. И все же, нужно проверить ту дверь. Иначе она сойдет с ума, гадая, закрыта та или нет.

Сосчитав до десяти, Вика осторожно поднялась с дивана, нажала на кнопку телефона, включая подсветку и, с кочергой в руке, двинулась к выходу из комнаты. Пол отчаянно скрипел под ногами.

В сенях никого не было. Вика перевела дух. Подошла к двери, отдернула ситцевую занавеску и вздрогнула – открытый замок болтался на одной из петель. Все-таки Сергей заходил в сарай. Господи, какая скотина, что ему там понадобилось?!

Вика быстро продела дужку замка во вторую петельку и защелкнула его. Потом осветила сени, внимательно оглядывая каждый угол. Пусто. Но это ее не успокоило. Нервы были на пределе. Каждую тень она принимала за притаившегося незнакомца, каждый звук, издаваемый старым домом – за шаги подкрадывающегося маньяка.

«Успокойся, пожалуйста, успокойся, милая, – твердила она себе. – Думай о том, что через час вы все посмеетесь над этой историей. И больше всех будет забавляться эта скотина Сережа, узнав, что ты бегала по всему дому с кочергой, собираясь огреть кочергой безобидного алкоголика».

Но почему-то в это слабо верилось. Наоборот, с каждой секундой крепла уверенность, что она попала в серьезный переплет. Настолько серьезный, что выходки отчима и садиста-мужа покажутся детскими шалостями, когда наступит развязка.

Ей стало до слез жалко себя. Она уже успела привыкнуть к новой жизни – спокойной, размеренной, в которой нет места насилию, нет унижений и ежедневной борьбы за существование. Пожалуй, именно из-за этого она и жила с Сергеем. Он смог дать то, чего не давал первый муж – покой. Покой и ощущение безопасности. Даже безмятежности. Да, она часто обижала его, они ругались, время от времени он уходил, хлопнув дверью, но ни разу не поднял на нее руку, ни разу не повысил голос. Пустяк. Но за это она почти любила его. То, что для других женщин было нормой, для нее – подар-

ком судьбы.

Звон разбитого стекла оборвал мысли. Вика вжалась в шершавую стену, не сводя расширившихся от ужаса глаз с двери в комнату.

Это он! О, Господи, ЭТО ОН!

Из комнаты слышалась возня – кто-то влезал в окно. Потом раздался скрип диванных пружин и тяжелый удар – человек спрыгнул на пол. Под сапогами захрустели осколки бутылки.

Вика затравленно посмотрела по сторонам.

«Что же делать? Господи, боженька мой, что же делать?»

Тяжелые шаги приближались. Вместе с ними приближалось неразборчивое хриплое бормотание. Человек не торопился, словно был уверен, что деваться ей некуда. Он шел медленно, очень медленно, так в голливудских фильмах ходят тупоголовые зомби. Но она поняла, что ночной гость вот-вот покажется в проеме двери.

Вика на дрожащих ногах сделала шаг назад, чувствуя, что сейчас описается от страха. Локоть задел что-то твердое, и она едва не закричала.

Лестница! Лестница на чердак. Это единственный выход.

На чердаке она не бывала ни разу. В прошлый приезд, когда Сергей показывал дом, она лишь поднялась по лестнице, так что голова оказалась над уровнем пола, и осмотрелась. Этого хватило. Отовсюду свисали клочья паутины, в узких лучах солнца, пробивающихся сквозь щели в стенах и кры-

ше, столбом стояла пыль. Пахло кошачьим дерьмом, сухими травами и слежавшимся тряпьем. Бр-р! Если в доме и водились привидения, то их обиталищем явно был чердак.

Но теперь, слыша позади шаги незнакомца и его бормотание, Вика поняла, что другого выхода нет. Постанывая от страха и боли в ноге, она начала карабкаться по узкой крутой лестнице, пытаясь не уронить телефон и кочергу. Каждое мгновение она ждала, что рука незнакомца схватит ее за ногу и стащит с лестницы. Но это только придавало прыти. Один раз она оступилась, нога – больная нога – сорвалась со ступеньки, и Вика чуть не свалилась вниз, но сумела в последний момент уцепиться за ступеньку, выронив кочергу. Та с грохотом слетела вниз и брякнулась на пол. Шаги за спиной на секунду замерли, потом послышались снова, но за эти несколько мгновений Вика успела добраться до верха и упереться головой в крышку люка, ведущего на чердак.

Крышка сидела плотно, и девушка, похолодев, подумала, что она наверняка закрыта. Но, осветив ее фонариком, увидела, что никакого замка нет. Тогда, уже не постанывая, а вопя в полный голос, она обеими руками изо всех сил толкнула тяжеленную крышку наверх, и та поддалась.

– С-сстой, сссучка. К-куда же ты? – послышалось сзади.

Незнакомец сказал это спокойно, буднично, словно спрашивал, который час. Но на Вику его голос подействовал, как удар шпорами на лошадь. Она рванулась наверх, уже не замечая тяжести крышки, крича что-то нечленораздельное, навалилась грудью на грязный пол, заскребла, ломая остатки ногтей, пальцами по грубо оструганным доскам и буквально вползла, как огромный неуклюжий червяк, на чердак. Едва она успела втянуть ноги, и крышка закрылась, внизу скрипнула первая ступенька.

Рыдая в голос, Вика навалилась на крышку. Силы покинули ее. Теперь она могла только лежать, слушая, как стонут ступеньки под тяжестью ночного гостя, и шептать дрожащими губами:

– Мамочка, мамочка, мамочка...

Крышка вдруг подпрыгнула от жуткого удара, больно ударив по ребрам. Вика почувствовала, что по ногам потекло что-то теплое.

«Надо же, я все-таки описалась», – отстраненно подумала она.

И закричала.

Глава 2

Очнулся Виктор мгновенно. Раз! И готово. Сознание проснулось и заработало на полную катушку. В первые секунды особой радости это не принесло. Болело все тело. Болело так, будто какие-то великаны весь день играли им в футбол. Стоило Виктору пошевелиться, каждая косточка, каждая мышца хором завопили, протестуя. Им требовался покой. Абсолютный покой. Виктор замер, перевел дух и открыл глаза.

Ничего не изменилось – его все так же окружала полнейшая темнота. Он опустил веки и через секунду открыл глаза снова. И опять ничего. На всякий случай он, преодолевая боль, провел по лицу ладонью. В голове клубился туман, в котором то и дело мелькали какие-то бессвязные обрывки мыслей, неясные смутные образы. Они скользили по самому краю сознания, но были слишком мимолетными, слишком неуловимыми. Тело действовало само, не дожидаясь команды мозга.

Ладонь скользнула по лицу, задержалась на припухшей скуле и ссадине на щеке, задержалась на веках. Глаза были открыты, но не видели ничего. Ни малейшего проблеска света или хотя бы крошечного, едва уловимого изменения плотности, вернее, оттенка темноты. Она была сплошной, густой, будто голову окунули в ведро с чернилами, или накинули на

нее мешок. Но, насколько мог определить Виктор, никакого мешка не было.

Виктор снова закрыл глаза, чувствуя, как к горлу подкапывает тошнота. На несколько секунд он опять впал в забытие. А когда пришел в себя, в голове немного прояснилось. Мысли уже не разбегались, как тараканы при включенном свете.

«Какого хрена происходит? Где я? Почему такая темень? Почему так холодно? Чем так воняет?»

Вопросы вспыхивали один за другим, по мере того, как органы чувств просыпались и начинали поставлять информацию в мозг.

Он лежал на чем-то жестком и очень неудобном. Было сыро и холодно, как в склепе. И так же темно. Темнота вызывала беспокойство. Не хватало еще ослепнуть. Конечно, ни с того ни с сего зрение не потеряешь... Но вся беда в том, что события последних часов начисто стерлись из памяти. Последнее, что помнил Виктор – как они с Андреем и Катей свернули с шоссе на проселочную дорогу, ведущую к деревне. И все. Дальше – одно большое белое пятно.

Но за память Виктор пока не волновался. Куда больше заботили глаза. Что, если он получил какую-то травму и ослеп? Виктор надавил пальцами на веки и резко отпустил. Перед глазами вспыхнули цветные всполохи. Нет, не похоже. Насколько он знал, у слепых не бывает никаких кругов или точек на мертвой сетчатке. Значит, со зрением все в поряд-

ке, палочки и колбочки исправно делают свою работу. Выходит, темнота вокруг. Это немного успокоило. Ненадолго. Как обычно бывает, на смену одному вопросу пришел десяток.

Нужно выяснить, где он находится. Виктор пошарил руками вокруг и понял, что лежит на шершавых досках. Но полом назвать это было нельзя. Щели между досками были шириной в несколько сантиметров. Рука нырнула в щель, и под досками Виктор нащупал что-то твердое и холодное. То ли камень, то ли плотно утрамбованная земля. Он лежал на грубо сколоченном деревянном настиле, который немного возвышался над полом.

Ладонь скользнула чуть дальше и вошла во что-то мокрое. Виктор брезгливо отдернул руку. Но потом любопытство взяло вверх. Он поднес ладонь к лицу и принюхался – ладонь пахла огуречным рассолом.

«Господи, что же это за дерьмо такое? Где же я? На консервном складе?»

Он, кряхтя, перевернулся на бок. Потом неуверенно сел, опираясь руками о доски. Голова закружилась, желудок судорожно сжался несколько раз, но это быстро прошло. Виктор немного отдышался, потом тщательно ощупал себя – нет ли переломов и открытых ран. Ничего подобного, насколько он мог судить в кромешной темноте, не оказалось. Ушибов, видимо, хватало, причем досталось и голове – он нащупал здоровенную шишку на затылке, но это не пугало. Если они угодили в аварию – можно сказать, дешево отделался. Толь-

ко какая связь между аварией и огуречно-рассольной темнотой?

«И все-таки, где я оказался?»

– Эй! – позвал Виктор. – Есть тут кто-нибудь?

Слова затихали, едва слетев с губ. Тишина, окружавшая Виктора, была такой же густой и вязкой, как темнота. Нарушало ее только тихое попискивание. Очень похожее на крысиное.

Он огляделся. Везде было одно и то же – ничего. Пошарил рукой по сторонам, но нашел только пустоту.

«Хе-хе, а может, я умер?» – мелькнула шальная мысль. И, несмотря на идиотский смешок, четко прозвучавший в голове, она не показалась такой уж смешной. Сердце сделало резкий скачок и ухнуло куда-то вниз.

«Не мели ерунду, – сердито одернул он себя. – Покойники не мерзнут. Попытайся вспомнить, что произошло перед тем, как ты угодил сюда. Ответишь на этот вопрос, поймешь, где ты сейчас сидишь».

Но это было не так-то просто. Как ни напрягал Виктор память, последним более или менее ясным воспоминанием был поворот на проселок. Да, они ехали на день рождения Сергея. В деревню. Был вечер. Кажется, около семи, может немного позже. Шел дождь, и видимость была очень плохой.

Этот момент показался Виктору важным. Плохая видимость... Что-то с ней было связано. Что-то неприятное. Они слетели с дороги? Не вписались в поворот? Возможно, очень

возможно. Тогда потеря памяти объясняется очень просто – удар головой, и в результате ретроградная амнезия. Иногда, в результате черепно-мозговой травмы, человек начисто забывает последние часы или минуты, предшествовавшие несчастному случаю. Все остальное вспоминается легко, но этот небольшой временной отрезок оказывается стертым.

Похоже, именно это и произошло. Авария – удар головой – ретроградная амнезия. Но какого черта он не в больнице? Или, на худой конец, не в доме Сергея? Откуда этот могильный холод и огуречный рассол на полу? Откуда вонь тухлятины? Сюрреализм.

Виктор потерял виски. Всему должно быть объяснение. Всему. И если невозможно найти его с помощью логики, придется прибегнуть к эмпирическим методам.

Виктор еще раз ощупал себя. Куртка была на нем. Пошарил по карманам. Паспорт, права, техпаспорт, бумажник – все было на месте. Кроме сигарет. Пачка «Кэмел» осталась в машине. Вместе с зажигалкой. Виктор выругался про себя. Сейчас старенькая «Зиппо», привезенная знакомым прямым из Бредфорда, очень бы пригодилась.

Телефона тоже не было. Как и ключей от машины. С ключами понятно – они, наверное, остались в замке зажигания. А телефон? Уж с ним-то он никогда не расставался. Вопреки всем правилам, номер сотового он давал клиентам, состояние которых вызывало опасения. Уж лучше быть разбу-

женным среди ночи, чем наутро, хорошенько выспавшись, узнать, что твой клиент сиганул с двенадцатого этажа только потому, что не нашлось человека, готового поговорить с ним по душам.

Инвентаризация ничего не дала. Никаких намеков на то, что произошло, и где он может сейчас находиться. Память тоже продолжала забастовку. Виктор знал, что зачастую достаточно малюсенького толчка извне, чтобы воспоминания вернулись. Одно слово, случайно брошенный взгляд на случайный предмет, какой-нибудь запах, особенно запах, – этого могло быть вполне достаточно, чтобы выстроилась цепочка ассоциаций. Но откуда взяться всему этому здесь, в подобию склепа?

Виктор рассовал обратно по карманам документы, застегнул молнию и медленно встал. На какой высоте потолок, он не знал и не хотел разбить голову о балку. Поэтому поднимался очень осторожно, выставив одну руку вверх. Ноги были еще полусогнуты, когда рука уперлась во что-то твердое. Судя по всему, сверху тоже были неоструганные доски. Он выпрямил ноги и коснулся макушкой потолка.

Следующие несколько минут Виктор примерял на себя роль крота. После пяти минут блуждания во мраке с вытянутыми вперед руками, как при игре в догонялки, Виктор так и не смог понять, где находится. Время от времени под ногами хрустели стеклянные осколки, один раз он наткнулся на нечто вроде квадратной колонны, дважды чуть не упал, ко-

гда дощатый настил вдруг закончился. Вот и весь результат.

Обойдя вокруг колонны, Виктор решил, что напрасно тратит время. Он, подобно молекуле, участвующей в броуновском движении, метался туда-сюда, без всякого плана и четкого направления.

– Так дело не пойдет, – сказал Виктор вслух. Звук собственного голоса придал бодрости. – Хватит без толку шагать.

Он прижался спиной к колонне, ощутив, как холод проникает даже через куртку, и медленно, шаг за шагом двинулся вперед, стараясь выдерживать заданное направление. Через пять шагов рука коснулась холодного, покрытого каплями влаги камня. Он провел рукой в одну и другую сторону. Кусок стены. Виктор немного удивился. В деревне, куда они направлялись, каменных домов не было. Все сплошь деревянные срубы. Неужели они в городе? Выходит, из памяти выпало несколько часов? Худо, совсем худо...

Виктор, постояв немного, двинулся вдоль стены налево. Дошел до угла. И тут рука наткнулась на деревянную полку. Выше была еще одна. Рука скользнула по гладкому дереву и чуть не смахнула на пол стеклянную банку. Банка была большая и, судя по тяжести, под завязку наполнена какой-то жидкостью. Рядом стояла еще одна. Виктор провел рукой дальше и насчитал еще десяток таких же банок. Вспомнился разлитый огуречный рассол.

«Ага, – подумал Виктор, сам себе напоминая проница-

тельного Штирлица. – Низкий потолок, холод, сырость, банки на полках вдоль стены... Похоже, подвал дома. А каменные стены – фундамент. Что ж, с этим, похоже, все понятно... И теперь вопрос на десять тысяч рублей – как ты сюда попал?»

На этот счет не было никаких соображений. Виктор решил оставить головоломку на потом, а пока закончить исследование подвала. Тем более, что все больше смущала одна крошечная деталь, которая не укладывалась в представления о подвалах деревенских домов. Запах. В подвалах обычно пахнет сыростью, плесенью, гнилой картошкой, может быть, крысиным дерьмом... Но никак не тухлым мясом. КАЖЕТСЯ, тухлым мясом...

Виктор сделал несколько шагов вдоль полок, заставленных банками. Дошел до очередного угла и снова повернул налево. Вонь как будто усилилась. Еще через три шага сомнений не осталось – он приближался к источнику запаха. И этот запах можно было идентифицировать, как смрад груды гниющего мяса. Виктор в нерешительности остановился. Стоит ли продолжать движение? Рассудок заботливо подсказал, что нормальный человек предпочтет держаться подальше от того, что так воняет. Совет был хорош. Но хорош в обычной ситуации. Очнуться же в темном подвале незнакомого дома, да еще с частично купированной памятью... И это после того, как ты ехал на день рождения к другу... Нет, ничего в этом нормального и обычного не было.

И все же все его существо противилось тому, чтобы сделать еще хоть один шаг по направлению к источнику запаха.

«Эгей, – подумал Виктор. – Я тебя прекрасно понимаю, парень. Но ведь ты знаешь, что там может быть выход. Такая маленькая лесенка и крышка люка. Или ты хочешь просидеть здесь до второго пришествия только потому, что на твоём пути оказалась дохлая крыса или кошка?»

Но потребовалось несколько минут, чтобы решиться, и еще столько же, чтобы заставить себя сделать шаг вперед. Больше всего он боялся наступить на кучу гнилого мяса и поскользнуться. Можно запросто переломать себе кости. Тогда уж точно придется ждать, пока кто-нибудь (тот, кто засунул его в этот дерьмовый подвал?) не придет и не вытащит его отсюда. Поэтому Виктор едва передвигал ноги. Он шел, шаркая, как дряхлая старушонка, не отрывая руки от холодной стены и стараясь дышать не очень глубоко – вонь становилась все сильнее.

И все-таки, несмотря на всю осторожность, темнота сыграла с ним гнусную шутку. Нога, которая делала шаг вперед, вдруг провалилась в щель настила и намертво застряла между досками, зажатая как в капкане. Тело же по инерции продолжало двигаться вперед. Виктор судорожно взмахнул руками, пытаясь нащупать опору, но те встретили лишь пустоту, и он рухнул вперед всем телом, попытавшись в последний момент упасть так, чтобы не повредить застрявшую ногу.

Он упал на что-то очень мягкое, податливое, вроде кучи

дерьма, завернутого в плотную тряпку. В нос ударило чудовищное зловоние, и в лицо брызнула тепловатая смрадная дрянь. Виктор попытался вскочить, упершись ладонями в это вонючее нечто, но грубая ткань под руками поехала, словно под ней была скользкая глина, и он снова ткнулся лицом в грудку разлагающегося мяса.

«Господи, боже! Что это такое? Что это?!» – мелькнуло в голове, и тут же Виктора вывернуло наизнанку. Потом еще раз и еще.

Он барахтался на этой осклизлой куче, раз за разом щедро извергая содержимое желудка и пытаясь освободить ногу из ловушки.

Наконец это удалось, и он как ящерица отполз в сторону, не переставая содрогаться в рвотных позывах. При этом рука угодила в какое-то влажное скользкое месиво и, что самое отвратительное, успела нащупать в этом месиве клочок волос. Что-то вроде обросшего вдруг волосами моллюска. ГНИЛО-ГО моллюска...

Виктор прижался к стене, чуть не визжа от ужаса и отвращения. Сердце колотилось у самого горла, а желудок ритмично сжимала чья-то холодная лапа.

«Вот дерьмо, вот дерьмо, вот дерьмо! – стучало в голове. – Что же это такое? Что, а?»

На самом деле, он понял, что это такое, как только упал и почувствовал под собой вонючую разлагающуюся массу, завернутую в ткань.

И еще волосы... ВОЛОСЫ! Мать твою, господи, это были человеческие волосы!

Но разум отказывался верить в это чудовищное объяснение и даже допускать самую возможность его существования. Он чувствовал, что пока догадка блуждает где-то во мраке подсознания, его рассудок в относительной безопасности. Но стоит облечь это смутное предположение в слова, стоит *назвать* это, уютный мирок, в котором он жил последние годы, рухнет с жутким грохотом.

Да, в этом мире те, кого любишь, выбрасываются из окон, в этом мире дрянь, засевшая в голове, медленно убивает тебя, а «Джонни Уокер» всерьез претендует на первый приз в конкурсе радостей жизни. Но все же в нем (хе-хе, ребята) есть и утренний кофе, и защита прав человека, и относительная уверенность в завтрашнем дне... Но самое главное – в этом мире нет места разлагающимся трупам в темных подвалах.

Виктор отполз еще немного назад. Рука до сих пор хранила ощущение прикосновения к волосатому моллюску. Но теперь была уверенность, что помимо волос там было еще что-то. Что-то уж совсем омерзительное. Ну да, конечно, за ту долю секунды, что ладонь прикасалась к моллюску, он успел уловить под ней шевеление. Что-то копошилось там. Живое, скользкое, мягкое.

«Черви, – обреченно подумал он. – Вот что это было. Черви. Маленькие. Что-то вроде опарышей. И хватит прятать го-

лову в песок».

Его передернуло, желудок снова болезненно сжался. И тут в голове вспыхнула бессмысленная, но пугающая надпись:

...ТО, ЧТО КОГДА-ТО ЕЛО, САМО ДОЛЖНО БЫТЬ СЪЕДЕНО.

Он сдавил ладонями виски. Это уже было. Было! Та же фраза. И точно так же она появилась перед внутренним взором без всяких усилий с его стороны, будто пришла извне. И случилось это совсем недавно. После того как... Как что?

Надпись сменила другая картинка. Такая же четкая, ясная и необъяснимая. Огромная светло-серая птица, пролетающая в нескольких сантиметрах от его лица. Птица, размахивающая длинными, тонкими, совсем не птичьими крыльями. И еще звук удара...

Видение длилось несколько мгновений, а потом исчезло так же внезапно, как появилось. Растаяло, словно утренний туман под порывом ветра. Осталось лишь чувство, которое возникает, когда не можешь вспомнить нужное слово, хотя оно вертится на языке. Жилка, застрявшая в зубах...

Виктор потряс головой, будто это могло чем-то помочь. Вдохнул и покосился туда, где лежала смердящая куча. По телу пробежала нервная дрожь. Но на этот раз хватило мужества не закрывать глаза на очевидное: в двух шагах от него, в крошечной темноте подвала лежал труп человека. И как ни пытайся смотреть на вещи позитивно, в этой гребаной новости не было ничего хорошего.

Страх цепкой лапой сдавил горло. Виктор лихорадочно соображал, как мог попасть труп в этот чертов подвал. Первой мыслью было – хозяин дома спустился сюда за какой-нибудь банкой, и его хватил сердечный приступ. Вполне правдоподобное объяснение. Но, во-первых, судя по всему, он пролежал здесь не один день. Неужели никто из соседей не хватился? Неужели никто не зашел в дом, чтобы выяснить, почему человек так давно не выходит на улицу, и не почувствовал трупный запах, идущий из подвала? А, во-вторых, как сюда попал сам Виктор, если хозяин дома был уже мертв к тому времени и при всем желании не мог запихнуть потерявшего сознание гостя в подвал? Значит, или запихнул кто-то другой, или в подвале лежал не хозяин дома. Но и в том, и в другом случае, тот, кто бросил сюда Виктора, не мог не учуять этот запах. А следовательно...

Что «следовательно», Виктор не знал. Но догадывался, что положительные выводы из таких посылок вряд ли получатся.

Выход был один – продолжать свои поиски. Он обследовал только две стены. Осталось еще столько же. Может быть, он нащупает дверь. Или наткнется на лестницу, ведущую наверх.

«Или еще на один труп».

Сейчас он все отдал бы за коробок спичек. Но желающих совершить выгодную сделку поблизости не было. Поэтому Виктор медленно поднялся и, придерживаясь за стену, дви-

нулся вперед, осторожно нащупывая ногой каждую доску. Через три шага нога пнула что-то мягкое. Виктор понял, что это труп, и содрогнулся всем телом. Послышался писк и шорох. Он вспугнул крысу, закусывающую покойником. Виктор представил, что эта же крыса может запросто укусить и его. По телу вновь пробежала дрожь.

«Спокойнее, спокойнее... Перестань забивать голову всяким дерьмом. Все будет в порядке, если ты не начнешь паниковать и делать глупости. Просто перешагни через... Этого парня и иди дальше вдоль стены. Это все, о чем тебе сейчас нужно думать».

Так он и сделал. Просто перешагнул труп, будто тот был корягой на дороге. И через несколько шагов наткнулся на лестницу. Крепкие деревянные ступеньки вели наверх. Виктор облегченно вздохнул и вытянул руку, нащупывая крышку. Пальцы ясно ощутили металлические петли, небольшой зазор между крышкой и перекрытием. Чуть не вопя от радости, он толкнул крышку, прикрыв на всякий случай глаза – после этой темени даже слабый свет ослепит так, что мало не покажется.

Но предосторожность оказалась напрасной. Крышка даже не шелохнулась. Он толкнул сильнее, потом поднялся на пару ступенек, уперся в крышку плечами и, напрягая все мускулы, попытался выпрямиться... Ни черта не получилось. Крышка оставалась неподвижной, словно на ней примостился бегемот. Через десяток минут, наполненных бесплодными

ми попытками выбраться наружу, Виктор принялся молотить по крышке кулаками и орать что-то нечленораздельное, вкладывая в эти крики весь свой страх, злость и отчаяние. Ему было уже наплевать на то, что человек, запихнувший его в подвал, мог быть опасен.

В конце концов, взмокший, несмотря на могильный холод подвала, Виктор обессилено присел на нижнюю ступеньку.

«И что ты будешь теперь делать? – спросил он себя. – Ведь это ловушка, дружище. Самая настоящая ловушка. И рядом с тобой лежит тот, кто угодил в нее немного раньше. Надо что-то делать, нельзя вот так просто сидеть. Нельзя».

Ответ нашелся быстро, но эту мысль он поначалу отогнал, как чумную собаку. Слишком она была мерзкой... Но гнусная, отвратительная мыслишка с настойчивостью дворняги продолжала вертеться рядом и путаться под ногами.

Наконец, Виктор сдался.

– Ну, хорошо, – сказал он вслух. – Давай просто посмотрим в лицо действительности. И если после этого ты решишь, что *это* стоит сделать – сделаешь.

Он снова услышал рядом назойливый шорох, и топнул ногой.

– Итак, ты сидишь в подвале. Рядом – покойник, который пролежал здесь не один день. Как сюда попали вы оба – ты не знаешь. Господи, с ума можно сойти... Спокойно, спокойно... Может быть, есть еще какой-нибудь выход. Причем, совсем рядом.

«Ты сам в это веришь?» – мысленно спросил он себя.

– Не очень. Но отбрасывать такую возможность глупо. В любом случае, у тебя есть два варианта. Либо сидеть здесь и ждать, когда кто-нибудь придет и откроет его. Либо попытаться выбраться самому. Но без света это вряд ли получится. Так? Даже если есть еще один выход, в темноте ты можешь ползать здесь до скончания века, пытаясь его отыскать.

«Ну ладно, давай, скажи это. Только скажи вслух, чтобы как следует осознать то, что ты хочешь сделать».

Он немного помолчал, собираясь с духом.

– У этого парня... У этого трупа в карманах может оказаться что-нибудь полезное. Например, спички или зажигалка. И тебе нужно... Нет, тебе придется его обыскать. И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше.

«Господи Иисусе на резиновом клиросе, – всплыла в памяти фраза из какого-то фильма. – Вот я это и сказал. Теперь осталось только сделать».

Но стоило Виктору представить, что ему предстоит, желудок сделал сумасшедший кульбит и попытался вылезти наружу через глотку.

Прошло не меньше пятнадцати минут, прежде чем Виктор заставил себя сделать первое движение в сторону трупа. Все происходящее казалось дикостью, фантазией, порожденной больным воображением.

«Господи, неужели это происходит на самом деле?»

В какой-то момент Виктору показалось, что он сейчас от-

кроет глаза и окажется в собственной постели, в небольшой уютной квартирке на Московском проспекте. Вспотевший, с колотящимся сердцем, но счастливый до одури оттого, что все это оказалось лишь сном.

Но время шло, расстояние между ним и трупом неуклонно сокращалось, а кошмарный сон никак не хотел заканчиваться. Виктор отчетливо ощущал под ладонями шершавое дерево настила и чувствовал вонь разлагающегося тела. Тела, к которому ему предстоит вскоре прикоснуться. И если бы только прикоснуться! Тщательно обшарить все карманы... Вот уж действительно «господи Иисусе на резиновом клиросе».

Как ни успокаивал себя Виктор, как ни убеждал, что ничего совсем уж ужасного в этом нет, что это просто вынужденная необходимость, но все же не смог сдержать вскрика, когда пальцы коснулись холодной студенистой массы.

Виктор отдернул руку. Снова накатила тошнота. Он явно представил себе, как должен выглядеть этот парень, пролежав несколько дней (а может, и недель) в сыром подвале. Картинка получилась что надо. Вкупе с кошмарной вонью, исходившей от тела, она дала вполне ожидаемый эффект. Виктор чуть не выблевал собственный желудок. На языке осела едкая горечь желудочного сока.

Виктор вытер губы рукавом и поморщился. От одежды несло, как от выгребной ямы.

«Этот запах никогда не выветрится, стирай не стирай, –

подумал он. — Но если ты не общешься этого парня, вполне возможно, что через некоторое время вопрос о стирке отпадет сам собой... Ну же, соберись. Давай, просто протяни руку».

Наконец, он решился. Стараясь держать голову подальше, он протянул руку и коснулся покойника. Провел ладонью по телу, определяя, во что одет мертвец. На ощупь это был ватник. Ладонь скользнула в сторону и нащарила боковой карман. Нырнула в него и угодила в сырое месиво крошек, влажных кусочков бумаги и еще какой-то дряни. Желудок сжался в липкий комок. Но Виктор сообразил, что это просто размокшая пачка сигарет.

«Господи, я не могу поверить. Ну надо же, а? Обыскиваю покойника... Мать твою, мать твою, мать твою... Это же настоящее мародерство. Вот сейчас он как схватит тебя за руку!», — проносилось в голове, пока рука копалась в кармане.

Пальцы нащупали что-то твердое. Сердце радостно подпрыгнуло. Виктор вытащил находку и как следует ощупал ее. Так и есть — зажигалка! Пластмассовая одноразовая зажигалка. Виктор уже было собрался зажечь ее, но остановился. Если огонек загорится и осветит то, что лежит рядом, обыск закончится. У него просто не хватит пороху продолжить свое дело. Поэтому он бережно положил зажигалку в куртку и принялся за второй карман.

Ему снова улыбнулась удача. На этот раз рука выудила перочинный нож.

Покончив с ватником, принялся за штаны. С ними было сложнее. Они прилегали вплотную к телу. Было жутко чувствовать под пальцами податливую гнилую плоть. Снова на ум пришло сравнение со студнем, завернутым в тряпку. Но поиски оказались не напрасными. Теперь трофеем стала связка ключей. Виктор не знал, от чего они, но на всякий случай сунул в карман куртки.

Больше ничего найти не удалось. Да он особенно и не старался. Не смог даже как следует обыскать брюки. Нервы не выдерживали этого копошения в карманах разлагающегося мертвеца. Желудок протестующее ворчал, от вони кружилась голова, и Виктор решил, что с него хватит. Он и так перевыполнил план по стрессу на много лет вперед.

Отодвинувшись подальше от покойника, Виктор достал зажигалку. Она была вся облеплена влажными табачными крошками, мокрой папиросной бумагой и еще какой-то пакостью. Терпеливо он принялся очищать находку. Когда решил, что она достаточно чистая, с замиранием сердца крутанул колесико. Кремень высек искру, но на этом дело и кончилось.

Матерясь вполголоса, забыв о трупе под боком и вообще обо всем на свете, Виктор снова и снова что-то смахивал, дул, стучал... Черт, он был готов расцеловать этот кусочек пластмассы, если бы знал, что это поможет. Наконец, крохотный огонек вспыхнул, заставив на мгновение зажмуриться. Малюсенькое чахлое пламя ослепило его, как дальний

свет фар на пустынной ночной дороге. Едва дыша, он повернул регулятор пламени до упора. Огонек дрогнул и немного погас. Виктор почувствовал себя неандертальцем, которому впервые удалось, ударив камнем о камень, высечь искру и поджечь кучку сухого мха.

Ликование очень быстро сменилось тревогой – газа в зажигалке почти не оставалось. Нужно успеть выбраться отсюда, пока есть свет.

И все же, прежде чем приступить к поиску выхода, он сделал вещь, которую никак не собирался делать. Не хотел делать, боялся, прекрасно понимая, что увиденное будет преследовать его до конца жизни. Но какое-то извращенное, болезненное и в то же время непреодолимое любопытство взяло вверх. Так ребенок не может не посмотреть хотя бы мельком на дохлую кошку, прекрасно зная, что ничего приятного не увидит. Что это, желание заглянуть в будущее и увидеть, что, в конечном счете, ожидает каждого? Или наивное ожидание хотя бы намека на ответ вечной загадки смерти? Виктор не знал ответов. Он вообще ни о чем не думал, когда рука, словно сама собой, приблизила огонек зажигалки к мертвецу.

Виктор бросил боязливый, полный отвращения взгляд на труп. И порадовался, что зажигалка горит так плохо. Но и тусклого дрожащего света хватило, чтобы опять накатила тошнота.

Первое, что бросилось в глаза – практически полное от-

существование лица у покойника. То месиво, которое предстало взору Виктора, нельзя было назвать лицом при всем желании. И дело было не в процессе разложения, хотя и без этого не обошлось. Лицо было обглодано до костей. Лишь кое-где оставались ошметки зеленоватого мяса, покрытые светло-серой, копошащейся гадостью. Черные пустые провалы глазниц уставились в потолок. От носа, губ, ушей не осталось ничего. Виктор перевел взгляд ниже. И вздрогнул. Одной ноги у тела не было вообще, начиная от тазобедренного сустава, вторая ниже колена была объедена так же, как лицо. Руки выглядели не лучше. Кости с редкими остатками мяса. Раздутый живот выпячивался так, словно перед смертью человек целиком проглотил арбуз.

Повинуясь внезапному импульсу, Виктор снова перевел взгляд на лицо. И тут рука дрогнула. Огонек погас. Виктор сидел в темноте, чувствуя, как на затылке шевелятся волосы.

Кажется, он только что получил ответ на один из вопросов. Но радости это открытие не принесло. Скорее, наоборот, он предпочел бы остаться в неведении. Слишком страшным был ответ. Теперь он знал почти наверняка, в подвале *чьего* дома находится. И помогла ему понять это густая окладистая борода, спутать которую с любой другой было невозможно.

Рядом с ним лежал бывший сторож базы отдыха по имени Коля.

И стоило Виктору понять это, как плотина, сдерживающая

воспоминания о последних часах, прорвалась, и они хлынули неудержимым потоком, грозя свести с ума.

* * *

Если бы еще сегодня утром Кате сказали, что через несколько часов она побьет личный рекорд, установленный одиннадцать лет назад на чемпионате города по легкой атлетике среди юниоров, она бы расхохоталась. Тогда она пробежала пятьсот метров за минуту тридцать одну и пришла второй, уступив почти секунду чемпионке. Через год Катя ушла из спорта, поняв, что выбежать из полутора минут не сможет, даже если угробит на это всю жизнь.

Спустя одиннадцать лет она смогла сделать это. И не на беговой дорожке, в тепличных условиях стадиона при поддержке толпы зевак. А в полном одиночестве, среди ночного осеннего леса, на неровной, покрытой ухабами и лужами проселочной дороге. Но в этот момент она не думала ни о рекордах, ни о секундах, ни даже о том, что в темноте может запросто переломать себе ноги. Она не думала вообще ни о чем. Просто бежала, почти летела вперед, не разбирая дороги, слыша за спиной пронзительные полные боли и ужаса вопли собственного мужа. Она догадывалась, *чем* они вызваны, и эта догадка подгоняла куда лучше отборного тренерского мата в былые времена.

Катя бежала сознавая, что бежит во имя спасения жиз-

ни... И рассудка.

Ей сразу не понравился этот чокнутый тип в дождевике. Едва она увидела его, под ложечкой противно засосало, а настроение, и без того не слишком хорошее, упало, как говорил Андрей, ниже плинтуса. Все равно что вернуться с работы домой после неудачного дня, зайти на кухню и увидеть огромного жирного таракана, удирающего со всех ног по обеденному столу. Примерно такое чувство у нее возникло, как только она увидела этого человека. Что-то вроде смеси страха, тревоги и отвращения. Откуда оно вдруг взялось, Катя не знала, но ломать по этому поводу голову не собиралась. Она не принадлежала к числу людей, которые по поводу и без принимаются копать в себе.

Будь они вдвоем с Андреем, она настояла бы на том, чтобы оставить этого типа там, где он упал. В конце концов, сам виноват – нечего торчать посреди дороги. И Андрей послушал бы ее, уж будьте уверены. Но за рулем сидел Виктор, и машина была его. Тут уж даже Катя не чувствовала себя вправе командовать. Все, что ей оставалось – забиться в угол и время от времени хмуро посматривать на Андрея.

Хорошо еще, тип сел рядом с Виктором. Если бы его посадили назад, она точно устроила бы скандал. И плевать на Виктора. Хотя это был единственный из друзей Андрея, к которому она испытывала симпатию. Сергей был обыкновенным размазней. Этаким непризнанный гений, неудач-

ник-подкаблучник, безропотно сносящий все выходки этой истерички Вики. И что эти кандидатские корочки, которыми он так кичится? Вот уж точно – горе от ума.

Остальные друзья-приятели ничуть не лучше – кто просто дурак, кто выпить любит, и все как один прям такие заядлые рыболовы и футболисты, что умереть не встать. Ни одного серьезного мужика. Все, как дети малые...

Виктор же ей нравился. Спокойный, рассудительный. Чем-то напоминал ей отца. Правда, после гибели жены он стал уж очень мрачным. Но даже это ему шло. Не раз Катя ловила себя на мысли, что немного жалеет о том, что познакомилась с Виктором после того, как вышла замуж за Андрея. Встретиться он чуть пораньше, как знать, может быть, она носила бы сейчас его фамилию.

Но при всей симпатии к Виктору, Вите – как она его обычно называла, Катя не могла ему простить этого *типа* на переднем сиденье. Типа, от которого пахло, как от кучи грязных прелых листьев, которые в детстве ей доводилось убирать на школьных субботниках.

Пока они ехали, Катя не проронила ни слова. Виктор пытался болтать с незнакомцем, но Катя видела, что и ему этот тип не нравится. Не нравится – слабо сказано. Даже в полумраке салона она заметила, какое бледное у Вити лицо.

«Будешь знать, как сажать в машину всяких проходимцев», – мстительно подумала она.

И как назло, словно мало было этого незнакомца, Катя по-

чувствовала, что у нее начались месячные. Прямо в машине. Пришли на пару дней раньше срока. Она рассчитывала к началу «праздников» вернуться в город. А тут... Холодная вода в ковшичках – то еще удовольствие! Очень вовремя, ничего не скажешь, так вовремя, что обделаться можно от счастья. Хорошо еще, что догадалась взять с собой тампоны.

Нужно было попросить Виктора остановить машину, но Катя представила, как будет носиться по кустам с тампаксом наперевес под взглядом этого типа, и передумала. Придется потерпеть. До базы оставалось совсем чуть-чуть, и она надеялась, что не успеет испачкать джинсы. Хотя, судя по всему, текло из нее хорошо. Но уж лучше отстирать потом пятнышко на штанах, чем устраивать тут пип-шоу.

Да, если раньше и была какая-то надежда на то, что выходные она проведет не совсем гнусно, теперь от нее не осталось и следа. Все, что могло случиться плохого в этой поездке, случилось.

Так думала Катя, пока машина тряслась по дороге, ведущей к базе отдыха. Она и предположить не могла, что меньше чем через полчаса случится нечто такое, что навсегда перевернет ее представления о «хорошем» и «плохом» в этой жизни. И не имея возможности заглянуть в совсем близкое будущее, она сидела, не сводя взгляда с шишковатого затылка незнакомца, и репетировала про себя речь, которую выдаст Андрею, когда они останутся одни.

Когда машина въехала на территорию базы и останови-

лась, Катя, предчувствуя скорое избавление от неприятного общества, немного повеселела. И даже позволила Андрею взять себя за руку. В конце концов, подумала она, несправедливо винить его во всех бедах. Он виноват только в том, что уговорил ее поехать на этот день рождения.

Занятая своими мыслями, она не сразу поняла, в чем дело. Незнакомец не торопился выходить из машины.

– Ну, хорошо. – Услышала она ровный, немного усталый голос Виктора и подумала, что, наверное, таким тоном он разговаривает со своими психами. – Вот и ступайте, перекусите что-нибудь. Если хотите, можем дать вам банку консервов. Шпроты в масле вас устроят?

В ответ незнакомец залился резким лающим смехом. Катя видела, как дергается его голова, покрытая сальными жидкими волосенками, и чувствовала, как страх медленно, но верно сковывает ее по рукам и ногам.

Было во всем происходящем что-то НЕПРАВИЛЬНОЕ. Что-то, не укладывающееся в картину мира. Да, конечно, у нее никогда не было знакомых психов. Сумасшедших она видела только по телевизору. Но (и она хорошо это знала) психи не начинают вдруг, ни с того ни с сего, испускать одуряющий запах земли и влажных листьев. Какими бы психами они не были...

– Слушай, мужик, – сказал Андрей, не обращая внимания на предостерегающий жест Виктора. – Давай-ка топай к себе домой по-хорошему. Мы тебя слегка стукнули, уж извини.

С кем не бывает... Но если не перестанешь выделяться, я тебе лично добавлю. Мы устали. И уж что-что, а кормить тебя не собираемся. Так что двигай.

Мужчина снова рассмеялся. Он хохотал, сотрясаясь всем телом, так, что машина ходила ходуном. Хохотал, пока смех не перешел в громкую икоту. Запах сырой земли стал невыносим. У Кати даже запершило в горле. И еще она почувствовала, что кровь из нее льет ручьем.

«Я вся протекла, – отвлеченно подумала она. – Залила Вите сиденье. Господи, как неловко...»

И словно в ответ на ее мысли, незнакомец вдруг перестал икать, шумно втянул воздух носом и сказал:

– С-сука течет. Чувствуешь запах? Это сука течет!

И снова захохотал.

Катя не знала, понял Андрей, что незнакомец имел в виду, или нет, но он открыл дверцу и со словами: «Ну, ты, мудака, меня достал», вышел из машины.

– Андрюша, не надо! – крикнула она, но было поздно.

Андрей обошел «девятку» и схватил незнакомца за ворот, намереваясь вытащить наглеца из машины. Тот не стал сопротивляться. Но, едва его ноги коснулись земли, резко выпрямился и схватил Андрея за отвороты куртки.

То, что произошло потом, показалось Кате сценой из дешевого фильма ужасов.

Мужчина легко оторвал Андрея от земли, будто тот весил не больше годовалого ребенка, и притянул к себе, словно хо-

тел поцеловать.

Увидев это, Виктор выпрыгнул из машины и бросился на помощь другу. Но стоило ему приблизиться к месту драки, если это можно было назвать дракой, незнакомец махнул правой рукой, продолжая левой удерживать на весу Андрея, и Виктор отлетел назад. Он упал, ударившись затылком о капот автомобиля, и затих.

Примерзшая к стеклу Катя с нарастающим ужасом следила за дальнейшими действиями незнакомца. Не обращая внимания на удары и пинки, которыми осыпал его барахтающийся Андрей, он снова притянул его к себе и чуть склонил на бок голову. Похолодев, Катя подумала, что точно так же наклоняют голову вампиры, перед тем как вонзить клыки в шею жертвы. И в следующий миг поняла, что была не так уж далека от истины.

Мужчина сделал резкое движение головой, будто клюнул Андрея в шею. А когда Катя снова увидела его лицо, то не смогла сдержать стон – оно все было залито чем-то темным и блестящим в отсвете фар. Кровь, поняла Катя. Это же самая настоящая кровь! И кровь эта хлестала из огромной рваной раны на шее Андрея. Как сквозь сон она услышала пронзительный визг. До нее не сразу дошло, что визжит ее муж.

Даже в самых кошмарных снах Катя не видела ничего подобного. Челюсти незнакомца мерно двигались, словно пережевывая что-то жесткое. Катя, как замороженная, смотрела на размереннодвигающийся подбородок, не в силах пошевелиться. А когда огромный, выступающий кадык судорожно дернулся вверх, пропуская в пищевод пережеванный комок, Катя поняла, что имел в виду незнакомец, когда говорил, что хочет есть...

Катя не выдержала. Едва не теряя сознание от ужаса, она выползла из машины через соседнюю дверь и упала в грязь. Только когда руки погрузились в ледяную жижу, она поняла,

что вопит в полный голос, заглушая визг мужа. Мужа, которого живьем пожирал этот тип.

Не думая ни о муже, ни о Викторе, ни о чем, кроме спасения собственной жизни, Катя вскочила на ноги и со всех ног помчалась к воротам базы. Она кожей ощущала на себе взгляд незнакомца и ожидала, что вот-вот услышит за спиной его тяжелые шаги. Но вместо них раздалось утробное урчание, и через секунду истошный крик Андрея. Это только придало ей сил.

Не помня себя, она вылетела за ворота базы и понеслась по темной дороге в ту сторону, откуда они приехали. Она бежала, пока мышцы не начало жечь, словно огнем, а перед глазами не пошли красные круги. Катя поняла, что такой темп ей больше не выдержать. Догоняй ее хоть стая чертей с вилами наперевес, она скоро просто рухнет на землю и будет лежать, не в силах пошевелить даже рукой. Тяжело дыша, девушка остановилась и оглянулась. Вокруг было темно. Темно и тихо. Она не слышала ничего, кроме собственного дыхания и гулких ударов сердца, которые отдавались во всем теле.

«Ну что же ты стоишь? Надо бежать, бежать! – устало подумала она. И сама себе ответила: – Но я больше не могу. Просто не могу... Что же делать? Что мне теперь делать?!»

– Господи, помоги мне! – прошептала она. – Помоги, пожалуйста.

«Надо уйти с дороги. В лес, в лес... Там можно спрятать-

ся».

Мышцы одеревенели, как после десятикилометрового кросса, но Катя все же заставила себя пошевелиться и на негнущихся ногах затрусила к придорожным кустам.

О том, что она может заблудиться, девушка не думала. Страх гнал ее вперед, подальше от дороги, в колючую и влажную темноту леса. Она то бежала, то переходила на шаг, не замечая, что ветки кустов хлещут ее по лицу и рукам, словно хорошо вымоченные розги. Несколько раз она падала, спотыкаясь о торчащие корни деревьев. Но снова вскакивала на ноги, не обращая внимания на боль в содранных ладонях и ушибленных коленях. Она была словно во сне. В кошмарном сне...

Она не знала, сколько успела пройти. Может быть сто метров, а может быть, километр. Перед глазами все время стояла эта чудовищная картина – незнакомец, жующий кусок мяса, только что вырванный из шеи Андрея. О, этого она не забудет никогда. Не сможет забыть. Если ей удастся уцелеть, это воспоминание будет преследовать ее до конца жизни. И дай бог, жизнь окажется достаточно долгой для воспоминаний.

Катя остановилась, прислонившись к покрытому мокрым мхом стволу дерева, и прислушалась. В стороне раздавался громкий хруст веток. Кто-то шел через лес напролом, не разбирая дороги. Шел торопливо, целеустремленно... Сердце ухнуло вниз. Это мог быть только тот *тип*. Катя зажала рот ладонью, чтобы не закричать. Он рядом, рядом! Он ищет ее!

– Господи, помоги. Господи, помоги. Господипомоги! – беззвучно закричала она, вслушиваясь в отдаленный треск.

Виктор как-то рассказывал, что мужчины и женщины слышат по-разному. У женщины слух тоньше, но мужчина лучше определяет, откуда именно идет звук. И сейчас Катя очень жалела, что родилась женщиной. Она никак не могла понять, где хрустят ветки. Казалось, что шум раздается со всех сторон сразу.

Несколько долгих минут она стояла, почти не дыша, превратившись в слух, понимая, что от ее ушей сейчас зависит жизнь. Если она ошибется и двинется навстречу незнакомцу, того ждет очень приятный сюрприз. Ужин пришел сам...

Наконец, Катя перевела дух. Шаги удалялись. Теперь она была в этом уверена. Девушка без сил опустилась на мокрую землю и всхлипнула. Напряжение покинуло ее сразу, вдруг, и она почувствовала, как болит иссеченное ветками лицо, как ноют натруженные ноги, как ледяная сырость забирается под коротенькую курточку и холодит поясницу. Она совсем одна в ночном лесу. Уставшая, замерзшая, напуганная, беззащитная, истекающая кровью, пусть не из ран, но все же. И где-то поблизости бродит маньяк-людоед.

Отчаяние накатило удушливой волной. Она погибнет здесь. Попадется в лапы людоеду и погибнет. И ничто не будет иметь значения – ни блестящее образование, ни престижная работа, ни трехкомнатная квартира на Приморской, ни радужные перспективы. Что ей с того, что она была луч-

шей в потоке? Или что на работе ее вот-вот должны были сделать начальником отдела? Это в двадцать пять лет-то! Все эти шоппинги, ночные клубы, отдыхи в Таиланде и Египте, девичники, где все подружки без исключения завидовали ей... Диеты, бассейны, солярии и косметологи. О, как это было важно, как это было нужно... Боже ты мой, калории на калькуляторе, список исключенных из рациона продуктов в четырех томах, легкое столовое вино по большим праздникам, каждое утро пророщенные зерна пшеницы – крепкий иммунитет – гарантия того, что болезнь не нарушит планы на день. Каждое утро, каждое божье утро начиналось с этой гадости. В отпуске, в командировке – везде она таскала этот проклятый мешочек с зернами, как чокнутая курица. И сюда, конечно, взяла, как же без любимой пшенички. Курочка по зернышку кудах-тах-тах. Но что ей теперь с этого? Ее просто убьют в какой-то глуши, где никто не сможет даже найти ее останки. Эту идеальную фигуру с безупречной кожей и прекрасным иммунитетом... Она будет лежать здесь, среди черных деревьев, пока снег не укроет ее. А потом, по весне, когда снег стает, от нее останутся лишь кости, покрытые лохмотьями сгнившей одежды. Лохмотьями той самой курточки из «Мотиви», которой она так радовалась месяц назад.

Катя заплакала. Она понимала, что сидеть здесь не стоит. Маньяк может вернуться в любой момент и случайно услышать ее всхлипывания. Нужно встать и идти. Андрей гово-

рил, что деревня недалеко. И у нее хватит сил добрести до деревни, а там этот рохля Сергей со своей женушкой, там надежные стены и крепкие замки, там она будет в безопасности. Нужно только сообразить, в какую сторону двигаться, потом заставить себя подняться и сделать первый, самый трудный шаг.

Но как раз этого она сделать не могла. Силы ушли. А вместе с ними ушло и желание бороться за жизнь. Катя могла только плакать, закрыв исцарапанное лицо грязными ладонями. Сначала тихонько, потом, по мере того, как росло отчаяние и ощущение обреченности, все громче и громче, пока не зарыдала в голос, забыв о всякой осторожности.

* * *

Крышка подпрыгнула еще раз. Вику едва не отбросило в сторону. Поскуливая от страха, она распласталась на крышке, раскидав руки и ноги, как гигантская морская звезда. Ей было уже наплевать на мокрые джинсы и раненую ногу. Она поняла, что если и дальше незнакомец будет с таким энтузиазмом ломиться, она долго не продержится. И окажется в ловушке, в которую сама себя загнала. Оставалось молиться и надеяться, что Сергей или его друзья подоспеют раньше, чем незнакомец окажется на чердаке.

– Да что вам от меня надо?! – закричала она. – Оставьте меня в покое! Пожалуйста, я вас очень прошу, перестаньте.

Ради бога, перестаньте!

Снизу послышалось бормотание. Слов по-прежнему не разобрать, но ясно слышалось раздражение в голосе ночного гостя. За бормотанием последовал новый удар. Вика взвизгнула и выронила телефон. Единственный источник света! Ее последняя надежда. Здесь, наверху, наверняка можно было поймать сеть. Если, конечно, незнакомец даст ей хоть пару минут передышки.

Вика, ежесекундно ожидая нового удара, пошарила рукой вокруг, пытаясь нащупать телефон. Но вместо него рука наткнулась на что-то железное. Пальцы быстро пробежались по предмету. Вика снова чуть не закричала, но на этот раз от радости. Задвижка! Это была задвижка. Толстый железный засов, способный выдержать и удар настоящего тарана, лишь бы не подвели доски. Девушка ухватила за полоску металла и толкнула ее вперед. Засов продвинулся на несколько миллиметров и застрял, даже не коснувшись паза.

– Ну, давай же, ну! Пожалуйста, давай! – шептала она, срывая кожу с пальцев о проклятую железку. – Господи, ну почему у этой скотины вечно ни черта не работает?

Крышка снова подпрыгнула. Ребра тяжело заныли. Рука соскочила с засова и потеряла его на доли секунды. Затем нащупала снова. Он поддался еще на пару миллиметров.

– Ну, пожалуйста, мой хороший, пожалуйста! Давай же, сука!

Вика понимала, что от того, сможет ли она справиться с

этой железкой, зависит очень многое. Возможно, от этого зависит ее жизнь. И, не обращая внимания на боль в истерзанных пальцах, продолжала бороться с заржавевшим засовом, забыв обо всем на свете. Она слышала возню незнакомца внизу, глухое бурчание, но все это было где-то там, в другом мире. Здесь же остались лишь она сама и этот чертов засов.

Полоска металла продвинулась еще немного. Теперь ее край касался паза. Еще одно невероятное усилие, и засов на волосок вошел в паз.

Пот заливал глаза, пальцы потеряли чувствительность. И все же засов продвинулся еще на микрон. Но победный вопль застрял в горле – Вика почувствовала, что незнакомец теперь не бьет по крышке, а, упершись плечами, толкает ее вверх. Крышка дрогнула и начала подниматься. Медленно, очень медленно. Но неуклонно.

«Нет, нет, нет! Только не сейчас, только не сейчас!»

Она сдвинулась немного вперед, всем весом навалилась на край крышки и резким движением тела, будто уминала чемодан, опустила ее обратно, выиграв таким образом еще две секунды. Понимая, что другого шанса уже не будет, она изо всех сил толкнула засов, вложив в это движение все свое отчаяние.

Засов, словно устав сопротивляться человеческой воле, нехотя, со скрежетом вошел в паз. До упора. Вика откатилась в сторону и обессилено замерла, слушая бешеное бие-

ние сердца.

По крышке что-то царапнуло. Потом послышался смешок. И голос, грубый, хриплый голос произнес:

– Хх-хитрая с-сучка.

От этого голоса Вика прошиб холодный пот. Забыв об усталости, она подползла к крышке и нашла телефон.

Схватив «самсунг», Вика на четвереньках отползла к дальней стене и дрожащими пальцами открыла телефон. На индикаторе сети появилась одна палочка. С замирающим сердцем, она нашла в записной книжке номер Сергея и нажала кнопку вызова. Если он успел доехать до шоссе, его телефон должен быть в зоне... Вика взмолилась, чтобы это было так.

Некоторое время в трубке была тишина, потом что-то хрюкнуло, пиликнуло, зашипело, и в ухо ударил гудок. Вика перестала дышать.

«Серезенька, миленький, скотина такая, возьми трубку! Пожалуйста, Серезенька, возьми трубку!»

После третьего гудка снова что-то щелкнуло, и Сергей ответил:

– Да, милая?

Голос доносился издалека, сквозь жуткие помехи, будто Сергей говорил с другой планеты. Господи, да так оно и было. И на той планете нет маньяков, забирающихся в чужие дома посреди ночи...

– Сережа! Сережа! Возвращайся скорее! Здесь какой-то

псих влез в дом!

– Что? Ниче... не...ышу.

Голос то появлялся, то пропадал, и Вика неосознанно подула в трубку, прежде чем ответить.

– Приезжай быстрее! Здесь псих ворвался в дом! Он преследует меня!

– ...о?

– Блядь, сука такая, возвращайся быстрее! – Вика заорала так, что у нее самой заложило уши.

На этот раз ответа не последовало. Телефон молчал. Вика глянула на экранчик и увидела надпись: «Поиск сети». Первым желанием было разбить сволочной «самсунг» о стену, но она сдержалась. Сейчас нельзя нервничать. Нельзя совершать необдуманные поступки. Она сделала глубокий вдох и снова бросила взгляд на дисплей. Сети не было.

– Спокойно, девочка моя, очень тебя прошу, спокойно... Нужно просто чуть-чуть подождать. Даже если он ничего не услышал, должен сообразить, что просто так я трезвонить не буду. Он уже наверняка едет сюда. Просто потерпи немного. И не делай глупостей.

Вика нажала на кнопку, включая светодиод. Крошечный фонарик высветил покрытый толстым слоем пыли пол, свисающую с потолочной балки паутину, и грудку какого-тохлама в углу. Пахло плесенью и старым тряпьем.

Незнакомец притих. Не было слышно ни возни, ни этого сводящего с ума хриплого бормотания. Вика сидела на полу,

обхватив колени руками. Она вся превратилась в слух. Каждый шорох заставлял ее вздрагивать и включать светодиод. Больше всего на свете она хотела услышать сейчас далекий гул двигателя. Но с улицы доносился лишь шум ветра в ветвях деревьев и тихая, монотонная дробь, которую уныло выбивал по крытой железом крыше дождь.

Из-за этой дроби Вика не сразу обратила внимание на новый звук, нарушивший мертвую тишину дома. Ей показалось, что это постукивает какая-нибудь ветка по стене или крыше дома. Но когда звук настойчиво повторился, она поняла, что доносится он не снаружи, а изнутри дома. Стучали по крышке люка, который вел на чердак. Судя по всему, стучал незнакомец. Очень осторожно, можно сказать, вежливо. Тук-тук-тук... Пауза. Потом снова: тук-тук-тук. Как в комнату к спящему человеку.

Вика почувствовала, как успокоившееся было сердце снова учащенно забилося. Она бы не так испугалась, если бы незнакомец принялся ломать крышку, или выкрикивать угрозы. Это было бы... Ожидаемо. Совершенно нормально в подобной ситуации. Но тихий стук, это робкое, но в то же время настойчивое тук-тук-тук...

Девушка облизнула губы и включила фонарик. С этим крошечным источником света было немного спокойнее. В конце концов, попыталась утешить она себя, такое постукивание крышку не сломает. Пусть он стучится хоть до скончания века. Открывать она, естественно, не собирается, нашел

дуручку. Да, пусть стучит. Чем дольше он там будет валять дурака, тем лучше. Время сейчас работает на нее. С минуты на минуту придет Сергей.

Хотя, одна мысль чуть портила радужную картину собственного вызволения из плена. Здоровяком Сергей не был. Конечно, защищать ее он будет до последнего. Но что толку в этой самоотверженности, если у него попросту не хватит сил справиться с незнакомцем?

Вот если он придет не один, а с друзьями... Это другое дело. Втроем они точно разделаются с этим маньяком. Настроение у Вики снова поднялось.

«Да может, и не маньяк это вовсе, – в который раз усомнилась она. – Напился какой-нибудь местный мужикашка, потянуло на подвиги. А тут я. Одна в доме. Вот и решил, придурок, на свой лад поухаживать».

Мысль, что столкнулась она не с маньяком, а с простым пьянчугой, пусть даже агрессивно настроенным, успокаивала. Уж что-что, а злобный алкоголик – для нее не новость. Опасен он может быть не меньше, но, во всяком случае, опасность эта более или менее знакомая. То, что ты хорошо знаешь, страшит гораздо меньше, чем неизвестное.

Какая же она дура, что описалась! Господи, обмочилась как маленькая, и из-за чего? Из-за того, что какой-то пьянчуга стукнул, ха-ха-ха, по крышке люка. Ну и черт с ним! Подумаешь, мокрые джинсы...

Вика поняла, что может торжествовать победу. Раненая

нога и сломанные ногти – пустяк, случалось и похуже. Первый муж не отличался разборчивостью, когда дело доходило до вопроса, чем и как бить. «*Я просто хочу с тобой поговорить, голубушка*», – обычно начиналось все с этой фразы. И от одного его тона коченели ноги.

Один раз она оказалась в больнице после «воспитательной работы». В тот день он выдал ей по полной программе. Она до сих пор удивлялась, что вообще осталась жива. Разошелся на всю катушку, словно чувствовал, что развлекается последний раз. Через две недели его нашли с проломленным черепом в подъезде. Соседка снизу, возвращавшаяся поздно вечером из гостей, обнаружила его на ступеньках между первым и вторым этажом. Он еще шевелился. Попытка ползти куда-то, хотя затылок представлял собой месиво из крови, осколков кости и мозгового вещества.

Когда Вике сообщили об этом, она заплакала. Вся в зеленато-желтых синяках, с зашитой губой и рукой в фиксирующей повязке, она плакала, к своему удивлению, не от облегчения. У нее возникло чувство, которое, наверное, должен был испытывать древний человек, обнаруживший, что в деревянный идол божества, покровителя племени, ударила молния. Мрачный, могущественный бог, который внушал ужас одним своим видом, который требовал бесчисленных кровавых жертв, а взамен давал защиту и уверенность в завтрашнем дне, вдруг превратился в груды тлеющих углей. Бояться больше некого. Но и защитить племя от мора или вра-

гов тоже некому.

Вика ушла с головой в воспоминания. На какой-то миг она забыла о том, где находится. Она снова была в том дне, когда ей сообщили, что ее муж мертв. И то чувство – ужас первобытного человека, оказавшегося на краю бездны под названием «свобода воли» – снова захлестнуло ее. Поэтому она не сразу поняла, что ее кто-то зовет. Зовет по имени.

– Вика, открой! Открой эту чертову крышку! Я ПРОСТО ХОЧУ С ТОБОЙ ПОГОВОРИТЬ, ГОЛУБУШКА.

Вика почувствовала, как волосы на затылке начинают шевелиться, будто клубок очнувшихся от спячки змей. *Я просто хочу с тобой поговорить*, голубушка. Это были его слова. Это был его голос. Голос ее покойного, боже мой, уже пять лет как покойного мужа. Снизу по крышке ударили с такой силой, что задребезжало стекло.

– Вика, не надо меня злить. Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты закрываешься! Открой. Мы просто поговорим.

«Этого не может быть, не может быть. Этого не может быть!» – Вика закрыла уши ледяными ладонями.

Снова раздался удар. Вика подпрыгнула. Ей показалось, что она слышала треск ломающейся доски.

– Открой эту сраную крышку, тварь! Открой сейчас же! Как ты смеешь закрываться от меня в *моем* доме?! Открой! Мы просто поговорим. Я пальцем тебя не трону, обещаю.

Господи, это действительно был *его* голос! *Его* интонации!

«В моем доме»... Да, его всегда бесило, если она запиралась в ванной или туалете, когда он хотел «просто поговорить».

«Но этого не может быть! Он умер пять лет назад. Он умер! Ты же видела его и в морге и в гробу. Ты *видела* его мертвым!»

Вика почувствовала, что теряет рассудок. Жуткое кровавое божество вернулось. Вернулось, чтобы покарать тех, кто так легко отрекся от него.

– Открой, сука! – в крышку ударили так, что шурупы, которыми крепился засов, шурупы, с таким трудом вкрученные Сергеем почти пятнадцать лет назад, на добрый миллиметр вылезли из досок. – Открой, а то хуже будет!

– Этого не может быть! – не в силах вынести весь этот кошмар, завизжала Вика. – Ты умер! Ты уже давно умер! Я знаю! Ты покойник!

Вместо ответа гроыхнул новый удар:

– Я тебе, сука, сейчас покажу, какой я покойник! Открывай, тварь!..

И после небольшой паузы, голос добавил уже мягче:

– Викочка, ты же знаешь, что делаешь хуже только себе. И ты знаешь, как мне не нравится твое упрямство. Открой эту крышку, потом я преподнесу тебе небольшой урок. Так, коротенькая лекция на тему семейного права. И мы будем считать инцидент исчерпанным. Но чтобы все закончилось хорошо, ты должна открыть крышку сейчас же. Знаешь, не очень-то удобно торчать тут на ступеньках, у меня уже ноги

затекли. Открой, голубушка. Я ведь все равно до тебя доберусь. И только от тебя зависит, буду я к этому моменту очень злым, или нет.

Вика сидела, не в силах пошевелиться. Голос, кому бы он на самом деле ни принадлежал, буквально гипнотизировал ее. Она с ужасом чувствовала, что не может сопротивляться. Как не может противиться первобытный человек приказам своего божества. Она снова была той запуганной женщиной с не исчезающими никогда кровоподтеками и синяками по всему телу. Она снова была покорной супругой, *правильной* женой, которая не должна перечить мужу, а если начинает это делать, то безропотно переносит заслуженную взбучку. Она снова была пещерным человеком, замирающим в мистическом экстазе перед обгаренным жертвенной кровью идолом.

Голос рассудка все еще твердил, что это не может быть правдой, что ее муж мертв, а мертвые не преследуют бывших жен в чужих домах. Но этот голос слабел с каждой секундой, таял, как тает горное эхо, пока, наконец, не смолк совсем... Тогда Вика медленно, как во сне, встала на четвереньки и поползла к крышке люка.

– Открой, девочка моя. Я просто хочу поговорить с тобой, голубушка. Просто поговорить.

– Да-да, – пробормотала Вика, – я уже иду... Иду... Только не бей меня, пожалуйста.

– Если ты будешь хорошей девочкой, я и пальцем тебя

не трону. Открой крышку, и все будет хорошо. Очень хорошо. Я даже сделаю тебе приятно. Тебе понравится... – на последних словах голос чуть дрогнул, в нем послышалось какое-то сладострастное волнение, обещание невообразимого чувственного наслаждения.

По спине побежали мурашки, внизу живота разлилось приятное тепло. Вика почувствовала, как запылали щеки. Да, он умел причинить боль. Но умел и доставить удовольствие. Еще какое удовольствие!

– Ну, ты пустишь меня? Откроешь эту чертову крышку, чтобы я мог сделать тебе приятно?

– Да-да, я уже, уже открываю, – язык у Вики заплетался, в голове был туман. Больше всего ей хотелось угодить этому мрачному божеству, доказать ему свою верность.

Но когда непослушные пальцы коснулись холодного металла засова, Вика на мгновение замерла. Рассудок предпринял последнюю отчаянную попытку остановить это безумие.

«Не делай этого! Не смей! – пронеслось в голове. – Это не может быть твой муж, он давно умер!»

Рука медленно отодвинулась от задвижки. Вика тряхнула головой, пытаясь отогнать наваждение, и туман в голове начал понемногу рассеиваться. Да, конечно, это не может быть ее муж. Кто угодно, но только не он... Не он...

– Почему ты притихла, голубушка? Все-таки решила достать меня как следует, да? Хочешь, чтобы я проучил тебя по-настоящему? Хочешь опять загреть в больницу? Ну,

подожди, сейчас я доберусь до тебя, сука!

Крышка дернулась от удара. Шурупы вылезли еще на пару миллиметров. Но это было уже неважно.

Божество... Божество требовало новых жертв. Только это имело значение.

– Подожди, подожди, – сквозь внезапно брызнувшие слезы запричитала Вика, – подожди, пожалуйста... Я уже, уже открываю. Только не бей меня, только не бей...

И ее рука решительно потянула засов.

* * *

В машине Сергей немного успокоился. Он чуть-чуть приоткрыл окно, достал сигарету и закурил. Огонек сигареты отразился в темном лобовом стекле.

В чем-то Вика права. Кто он, что у него есть, что он может ей дать? Кандидатские корочки никому не нужных филологических наук, да два романа в письменном столе. Два романа, которые никогда не будут изданы. Потому что, если уж говорить, положи руку на сердце, чушь это, а не романы. Пока писал, казалось, что тянет как минимум на «Национальный бестселлер». А перечитал – дерьмо. Детский лепет. Что еще? Квартира – Викина, машину – отец подогнал. Куда ни глянь, ничего своего нет. Понятно, почему она бесится.

Сергей выбросил окурок в окно – в салон ворвался шум дождя, урчание двигателя, влажный шорох колес – и под-

нял стекло, отсекая эти звуки. Захотелось выпить. В бардачке под ворохом кассет лежала маленькая фляжка. Он положил ее туда перед самым отъездом, предварительно наполнив коньяком.

Сергей покосился на бардачок. Да, выпить не помешало бы. Очень не помешало бы... Совсем чуть-чуть, один глоточек, не больше, ведь вечером нужно быть в форме. По большому счету, из-за этой фляжки он и сел в машину. Это если уж говорить совсем честно. Само собой, из-за ребят он волновался. Те действительно могли увязнуть где-нибудь, или пробить колесо. Да мало ли... И помочь им было нужно. Но все-таки фляжка с ароматным «Бержераком» послужила своего рода катализатором, ускорившим реакцию.

«Доеду до шоссе, и если не встречу их, хлебну чуток», – решил он.

Повеселев, он утопил торчавшую из магнитолы кассету, и нажал на кнопку. Павел Кашин захныкал что-то про щемящее сердечко. Сергей вспомнил, как называл его Андрей – Каша Пашин, и усмехнулся. Андрей любил переиначивать слова. За что частенько и страдал. Однажды в школе на уроке истории, когда им рассказывали о восстании на броненосце «Потемкин», Андрей громким театральным шепотом сказал что-то про «бронетемкин поносец». Ржал тогда весь класс, а Андрею пришлось звать в школу родителей.

– Бронетемкин поносец, – повторил Сергей вслух и рассмехался.

Но, смеясь, неожиданно поймал себя на смутном ощущении, что вспоминает еще что-то, не такое веселое. Это была не мысль, не уверенность – именно мимолетное ощущение, которое иногда возникает в толпе, когда глаз вдруг выхватит лицо, не знакомое, а лишь имеющее сходные черты с лицом человека, которого хорошо знаешь, но давно не видел.

Сколько лет им тогда было? Тринадцать? Четырнадцать? Скорее, все-таки тринадцать. Да это и не важно, в конце концов. Тогда им и в голову не приходило запоминать даты. Времени было бесконечно много. Можно сказать, наблюдался явный его излишек. Каждый из них не задумываясь махнул бы пару лет на что-нибудь более полезное. Например, на хороший велосипед или хотя бы настоящий футбольный мяч.

Сергей сделал звук потише.

Да, им было по тринадцать. И в то лето они впервые были втроем здесь, в деревне. Дружили с четвертого класса, но летние каникулы вместе проводили первый раз. Вернее, часть каникул. Кажется, это был июнь. Может, начало июля... Вторую половину лета Андрей с Виктором должны были провести в лагерях.

Сергей сам удивился, что помнит такие подробности. Все-таки двадцать лет прошло... Но картинки прошлого оживали сами собой, без всякого усилия с его стороны. Что именно тогда произошло, он пока еще не мог припомнить. Но подсознание, которое никогда ничего не выбрасывает на помойку, а хранит всякий хлам, как старый скряга, намекало ему, что

некоторым событиям того далекого лета лучше оставаться там, где они есть – в темных глубинах дна.

Сергей опять закурил. Он только что проехал развилку, но ребят пока не встретил. Посмотрел на часы. Они показывали без двадцати одиннадцать. Все-таки что-то случилось. Если в доме у него еще были сомнения на этот счет, то после того, как проехал несколько километров по проселку, они исчезли. Дорога была ужасная. Даже его «Ниве» то и дело приходилось несладко. А уж на «девятке»...

Он подумал о фляжке. Может быть, принять немного прямо сейчас? Для поднятия тонуса, так сказать. Соблазнительно. Даже очень соблазнительно. Но, немного поколебавшись, он все же отказался от этой идеи. Неизвестно, что там впереди. Лучше потерпеть. Не до шоссе, конечно, это совсем уж тоскливо. Еще три километра – решил он. Через три километра он остановится, сделает один глоток (только один, слово джентльмена) и поедет дальше. И будет надеяться, что парни завязли не слишком сильно...

А ведь история, которая произошла тем летом, тоже была как-то связанна с грязью. С грязью? Сергей задумался. Кажется, лето тогда выдалось на редкость сухим и жарким... Почему же тогда грязь? Хотя, как он мог это помнить? Кто может вспомнить, какая была погода двадцать лет назад?

На этот вопрос он ответить не мог. Просто знал и все. Почти весь июнь стояла жара, и они целыми днями торчали на реке с самодельными удочками. Купались, валялись на пес-

ке, ловили рыбу, пробовали курить стибренную у деда «Приму». Иногда отправлялись на озеро, оседлав велосипеды. У Сергея был голубой «Орленок», а Андрею и Виктору дед давал свою «Ласточку», опустив руль и седло. Время от времени ходили в лес.

Мысли Сергея бежали все быстрее. Образы сменяли один другой, как в калейдоскопе. Едва заметная тропинка между сосен, усеянная шишками, хвоей и ветками. Густой мягкий мох под колесами велосипеда... Почему-то они шли пешком, ведя велосипеды рядом. Кажется, забрели в болото. Во всяком случае, он очень хорошо помнит промокшие, заляпанные грязной жижей кеды. Вот откуда грязь. Они забрели в болото, испугались, повернули назад и...

Сергей чувствовал, что приближается к самому главному событию того лета. Ходит совсем рядом с ним, на расстоянии вытянутой руки, но никак не может подойти вплотную. Сосны, мох, болото, дорога назад... Ну, конечно! Они сбились с пути. Свернули не на ту тропку. И что? Куда они пришли? Какое-то место в лесу. Только лес уже не сосновый. Голые ноги царапали ветки кустов. Бересклет, лещина... А бересклет растет в смешанных лесах. Значит, они были недалеко от базы, поворот на которую он недавно проехал. Да, скорее всего, где-то там. Ведь далеко уйти от деревни они не могли. А поблизости такой лес был только в той стороне.

Значит, где-то между деревней и базой отдыха, ближе к базе. Не очень точные координаты, но больше никаких по-

дробностей Сергей вспомнить не смог. Именно там все и произошло, в полосе леса между деревней и базой. Там они увидели *это*.

«Что? Что мы там увидели?» – с неожиданной тревогой подумал он.

И вдруг поймал себя на том, что изо всех сил сжимает руль. «Совсем, как тогда», – мелькнула мысль. Только в тот день его потные ладони вцепились мертвой хваткой в пластиковые, обмотанные красной изолентой рукоятки «орленка».

Сергей взъерошил волосы. Воспоминания все сильнее затягивали в какой-то мутный омут, и он испугался, что может действительно нырнуть в них с головой. А на такой дороге это чревато. Отвлекаться не следовало. Того и гляди, окажешься в кювете.

Он решил остановиться на минутку и чуть-чуть выпить. Нужно как-то встряхнуться.

Не долго думая, Сергей прижался к обочине, хотя особой нужды в этом не было, и нажал на тормоз. Залез в бардачок и отыскал под ворохом кассет фляжку. Заставляя себя все делать неторопливо, открутил крышечку, откинул ее и поднес узенькое горлышко к губам. Коньяк ручейком раскаленной магмы скользнул по пищеводу и горячим шариком плюхнулся в желудок, где и разорвался, как маленькая бомбочка.

И все-таки, что же они увидели тогда? Что могло их так напугать? Тринадцать лет – не семь, всякой ерунды боять-

ся не будешь... Но здесь начиналось темное пятно. Что-то несомненно было. Но что?

Сергей сделал еще один глоток. И сразу за ним третий, побольше, чтобы быстрее добиться желаемого эффекта. После седьмого или восьмого глотка мир, наконец, приобрел краски. Мысли, которые вертелись вокруг лета далекого тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, как мотыльки вокруг лампы, махнули на прощанье крылышками и разлетелись в разные стороны, оставив после себя какую-то странную пустоту.

Сергей закурил, посидел немного, бездумно слушая, как стучит дождь по крыше машины. Где-то вдалеке раскатисто гроыхнуло. Сергей посмотрел на часы – начало двенадцатого. Надо было поторапливаться, иначе до дома он доберется только к утру, Вика с ума сойдет. И все же он хлебнул из фляжки еще пару раз, прежде чем завинтить крышку. День рождения все-таки...

Он доехал до шоссе, но ребят так и не встретил. Дорога была абсолютна пуста. Притормозив у выезда на трассу, Сергей вытащил из кармана куртки телефон. Здесь прием был уверенный, и никакого тебе эстонского роуминга.

Сначала он набрал номер Виктора. Несколько секунд слушал тишину, потом женский голос сказал, что аппарат абонента выключен или...

– Находится вне зоны действия сети, – проворчал Сергей, нажимая на сброс. – Ну и где же ты, если не в зоне?

С Андреем и Катей было то же самое. Телефоны молчали. Сергей задумчиво открутил крышку фляжки. Не могли же они специально отключить мобильники. Просто так, шутки ради. Значит, действительно находятся вне зоны. То есть, съехали на проселок и проехали по нему как минимум километров пять. Тогда он должен был увидеть «девятку» Виктора. Ехал он не быстро, фары светят прилично – недавно менял лампы, словом, прозевать никак не мог. Машина – не иголка.

Свернули куда-нибудь с дороги? Так ведь некуда сворачивать. Если только к базе, но елки-палки, зачем им могла понадобиться база? Заблудились? Нет, Виктор хорошо знает дорогу, сколько раз приезжал...

Сергей ломал голову, время от времени прикладываясь к фляжке, но объяснения этому исчезновению найти не мог.

Телефон завибрировал в руке. Сергей посмотрел на дисплей, ожидая увидеть, что звонит кто-то из друзей, но это была Вика. Он глянул на часы и поморщился, была уже половина двенадцатого.

«Сейчас начнется хреновня. Интересно, как ей удалось дозвониться-то?» – обреченно подумал он, поднося трубку к уху.

Сплошные помехи. Какие-то щелчки, гудение, как в трансформаторной будке, треск...

– Что? Я ничего не слышу! – крикнул он.

В ответ слышалась новая порция статических разрядов

и каких-то бульканий, в которых с трудом можно было узнать Викин голос. Но что она говорила, разобрать не удалось.

– Что? – повторил Сергей.

– ...сука!.. – прорезался голос Вики. Прорезался и тут же снова пропал. На этот раз совсем.

Сергей еще подержал трубку у уха, алекая, но было ясно, что связь прервалась.

– Я все понял, дорогая, – вздохнул он, глядя на телефон. Одного этого «сука» было вполне достаточно, чтобы догадаться – он слегка подзадержался. И Вику это не устраивает. – Но знаешь что, милая... Не пошла бы ты, а? У меня сегодня день рождения. И хоть раз в году я имею полное право сделать что-нибудь так, как хочу я, а не ты.

«Ничего, подождет, – подумал он, пряча телефон в карман. Коньяк и расстояние между ним и женой придали Сергею храбрости. – Сделаю пару глоточков, покурю и поеду обратно. Может, все-таки проскочил ребят...»

По мере того, как алкоголь всасывался в кровь, настроение поднималось все выше, пока не достигло отметки «а мне все по хрену». Да, день рождения испорчен окончательно и бесповоротно. Это плохо, кто спорит. Но всерьез расстраиваться из-за подобного пустяка? Уж кто-кто, а он даже не подумает поганить себе настроение.

– С этим делом другие постараются, – сказал он, думая о Вике. – И обойдутся без моей помощи.

Он выпил за это, довольно крякнул и вылез из машины.

Моросило. Микроскопические капли воды приятно охладили разгоряченное лицо. Сергей полной грудью вдохнул свежий ночной воздух и, неожиданно для самого себя заорал:

– С днем рождения, Серега!

Потом, вспомнив, что есть еще один способ поведать миру о своем дне рождения, он нырнул в машину, нащупал между задними и передними сиденьями небольшой сверток и вытащил его, довольно улыбаясь.

– Вот и славно, – сказал он, снимая крышку – Вот и пошли вы все... Я сам за рулевого, я сам за капитана.

В свертке были несколько римских свечей, россыпь петард и коробка с салютом «Веселая вечеринка».

– Ну и устрою я сейчас веселую вечеринку, – сказал он, устанавливая цветастую коробочку на асфальте и поднося зажигалку к небольшому фитилю.

– В честь просранного дня рождения и просранных тридцати трех лет... Залп!

Раздались резкие хлопки, и разноцветные звездочки с пронзительным свистом вспороли ночное небо.

Глава 3

Виктор осторожно потрогал шишку на затылке. Неудивительно, что память отшибло, – решил он. И хорошо, этим отделался, могло быть хуже.

Почему же он сразу не раскусил этого психа?

«А если бы и раскусил, что дальше? – подумал Виктор. – Бросить на дороге? Отвезти в городскую больницу, где кроме клизмы ни черта нету, а настоящих психов и в глаза не видывали? Не надо посыпать голову пеплом. Ты не ясновидящий, и допустить, что он *так* слетит с катушек, не мог».

Виктор зло сплюнул. Будь он внимательнее на дороге, ничего этого бы не случилось. Раскуси он вовремя попутчика – тоже все обошлось бы. Но нет, прокололся дважды. Дважды! И подставил друга. А потом слинял в глубокий нокаут, предоставив Андрею расхлебывать всю кашу.

Остается только надеяться, что Андрей смог в одиночку справиться с незнакомцем. Только тут одна загвоздка – если Андрей сумел одолеть этого психа, какого черта он, Виктор, сидит в подвале? Не Андрей же его сюда засадил в наказание за ошибки. Не стоило себя обманывать. Победа осталась за незнакомцем. Что случилось с Андреем и Катей, Виктор не знал, но разлагающееся в подвале тело сторожа заставляло думать о худшем.

В углах опять зашуршало, крысам не терпелось вернуть-

ся к трапезе. Виктор щелкнул зажигалкой. В темноте блеснули глазки-бусинки. Виктора передернуло. Крыс он не боялся, но относился с опаской из-за болезней, которые они разносят. Немного радости подхватить гепатит от такой твари. И потом, одно дело, когда какой-нибудь зазевавшийся городской крысенок порскнет мимо тебя, когда ты выносишь на помойку мусорное ведро. И совсем другое – делить подвал с десятком-другим крыс-трупоедов. На людей они не нападают в большинстве случаев, но Виктору как-то не хотелось оказаться среди неудачливого меньшинства. Что, если этим тварям захочется свежатинок? При одной мысли, что его цапнет за руку крыса, которая час назад закусывала покойником, у Виктора мороз пробежал по коже.

Он топнул по деревянному настилу. Глазки исчезли. Но возня по темным углам не стихла. Крысы набирались храбрости перед очередным заходом.

Газа в зажигалке почти не оставалось. Виктор понял, что вскоре он снова останется без света. Без света, без ответа на добрый десяток вопросов и без надежды выбраться из подвала. В институте на старших курсах он серьезно интересовался поведением человека в экстремальных ситуациях. И знал, что есть две продуктивные стратегии поведения. Первая – взять себя в руки и спокойно ждать, когда ситуация изменится к лучшему. Главное при этом – не делать ничего такого, что может ее ухудшить. И другая стратегия – пытаться изменить положение вещей самостоятельно, действовать

активно и целенаправленно. Первый путь более безопасный. Второй – с большей вероятностью гарантирует тот исход, который нужен тебе.

Поразмыслив, Виктор пришел к выводу, что ждать, пока все решится само собой, он не может. Надо выбирать. И делать это прямо сейчас, иначе может быть слишком поздно. От удушливой ядовитой вони уже начинала кружиться голова. Могильный холод делал свое дело. Пальцы заоченели, и в скором времени эта же участь ожидала кисти, а за ними и все остальное. Тяжелое дыхание подступающей паники шевелило волосы на затылке.

По статистике семьдесят процентов людей в экстремальной ситуации впадают в ступор, двадцать – в истерику. И только десять сохраняют самообладание, благодаря чему и выживают. Виктору хотелось угодить в эти десять процентов. Он должен был оказаться в десятке лидеров, для того, чтобы попытаться помочь Андрею и Кате, если это еще возможно.

Теперь, когда память, наконец, перестала валять дурака, он предположил, что находится в доме Коли. Незнакомец собирался именно туда, схватился он с Андреем перед самым домом, а в подвале лежит труп Коли. Десять против одного, что это дом сторожа. Здесь Виктор бывал несколько раз. Изучить планировку ему, конечно, не удалось, не до того было. Но примерно представить, что и где находится, мог.

Люк вел на кухню. Странно, что он не открывается. Обыч-

но никто не ставит задвижку или замок на крышку люка – будешь все время спотыкаться, да и смысла нет. Значит, крышку попросту прижали чем-то тяжелым. Мебели в доме хватает. И не ДСП-шных поделок, а настоящих мебельных мастодонтов из какого-нибудь дуба или карельской березы.

Но люк – не единственный способ попасть в подвал, Виктор это знал наверняка. Здесь во всех домах делался вход в подвал и с улицы. Нужно найти дверь. Скорее всего, она заперта снаружи, причем, на навесной замок, но... Виктор вытащил связку ключей, найденную в кармане трупа, и чиркнул зажигалкой. Шесть ключей, явно не от навесных замков, да брелок-открывашка с полустертой рекламой пепси-колы.

«Все равно нужно искать дверь. Найти ее, а уже потом думать, как открыть. Иначе я не тронусь с места. Потому что на каждый ответ придется десять новых вопросов».

Он осторожно встал со ступенек, выпрямился, насколько позволял низкий потолок, и снова зажег зажигалку. Позади, в трех шагах шла сплошная стена. Полки были заставлены рядами банок. Его внимание привлекла самая нижняя полка. На ней выстроилась целая батарея бутылок. Самого разного калибра. Все они были наполнены какой-то мутноватой жидкостью, на каждую была наклеена этикетка с рукописными каракулями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.